

18+

НИКОЛАЙ ШТАЧЕНКО

**ДНЕВНИК
ВОЕННОГО
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ**

ГОРОД ХМЕЛЬНИЦКИЙ, 1978—
2009 ГОДЫ

Николай Штаченко

**Дневник военного
преподавателя. Город
Хмельницкий, 1978—2009 годы**

«Издательские решения»

Штаченко Н.

Дневник военного преподавателя. Город Хмельницкий, 1978—
2009 годы / Н. Штаченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961237-3

Автор дает подробное описание становления офицера как военного преподавателя и взаимоотношений в преподавательских коллективах; раскрывает передовую методику организации и проведения всех видов занятий с курсантами высших военно-учебных заведений. За 30-летний период (1978—2008 годы) показывает развитие методики учебного процесса в зависимости от поступления новых технических средств обучения.

ISBN 978-5-44-961237-3

© Штаченко Н.
© Издательские решения

Содержание

Город Хмельницкий, 1978 – 2009 годы	7
Преподавательская работа в Алма-Атинском высшем пограничном командном училище	8
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Дневник военного преподавателя
Город Хмельницкий, 1978—2009 годы
Николай Штаченко**

© Николай Штаченко, 2019

ISBN 978-5-4496-1237-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Штаченко Николай Николаевич

Город Хмельницкий, 1978 – 2009 годы От автора

Я, Штаченко Николай Николаевич, отдал свои годы действительной военной службе в пограничных войсках трех государств (СССР, Республики Казахстан и Украины), в общей сложности прослужил 35 календарных лет (с 1966 по 2001 годы); начал службу солдатом-пограничником и закончил ее полковником. За время службы проходил учебу в межотрядной школе сержантского состава инструкторов службы собак, четыре года учебы в Алма-Атинском Высшем пограничном командном училище и три года учебы в Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Обладая большим опытом работы по подготовке молодых солдат, младших командиров и будущих офицеров-пограничников, хочу им поделиться с командирами и преподавателями, занимающимися подготовкой офицерских кадров. Возможно, мой опыт послужит быстрому становлению молодых офицеров, как командиров, а офицеров, связавших свою деятельность с преподавательской работой, – умелыми преподавателями.

До поступления в Военную академию им. М. В. Фрунзе, прослужив в пограничном отряде четыре года, я успел пройти большую школу обучения и воспитания молодых солдат. За это время, будучи младшим офицером, я работал на семи трехмесячных учебных пунктах, а если учесть стажировку на учебном пункте во время учебы в ВПКУ, – то восьми учебных пунктах.

Работая в отрядной школе сержантского состава по подготовке младших командиров, я участвовал в подготовке шести выпусков сержантов (один выпуск с семи месячной, а остальные – с пятимесячной подготовкой).

После окончания Военной академии им. М. В. Фрунзе служебную деятельность связал с работой в высших военных учебных заведениях по подготовке офицерских кадров для государственной границы, работая преподавателем, старшим преподавателем и заместителем начальника кафедры. В общей сложности имею 31 год педагогического стажа: 15 лет работы в Алма-Атинском Высшем пограничном командном училище и 16 лет в Институте и Академии Пограничных войск Украины.

Преподавательская работа в Алма-Атинском высшем пограничном командном училище

Согласившись идти работать военным преподавателем, я сознавал, что беру на себя ответственную обязанность – обучать и воспитывать будущих офицеров-пограничников. Имея опыт обучения и воспитания младших командиров – сержантов – для пограничных застав, я был уверен в своих силах и способностях, что эта работа мне будет по плечу. Не доставало только опыта в работе по подготовке новой для меня категории военнослужащих, но я надеялся, что его приобрету в ходе участия в учебном процессе, и мне еще помогут на кафедре.

Прибыв в Алма-Атинское Высшее пограничное командное училище, я поочередно представился командованию пограничного училища: начальнику пограничного училища и его заместителям.

Начальником пограничного училища, с 1976 года, был генерал-лейтенант Меркулов М. К. До назначения на эту должность, он командовал Восточным пограничным округом.

Представляясь начальнику пограничного училища, я отрапортовал: «Товарищ генерал-лейтенант, капитан Штаченко прибыл для дальнейшего прохождения службы в пограничном училище в должности преподавателя!» Начальник училища был доволен моему представлению и бросил реплику: «Вчера, один прибывший капитан, приходил представляться и уже он себя определил на какую кафедру ему идти; это я буду решать!». Генерал мне сказал: «Ты еще молодой, ты – капитан, тебе надо бегать по полям. Поэтому твое место на кафедре общевойсковых дисциплин, будешь преподавателем тактики. На кафедру службы и тактики пограничных войск мы назначаем офицеров-старичков, которые устали служить в войсках на границе». Я ему ответил, что готов работать преподавателем на любой кафедре. «Вот поработай сначала на кафедре ОВД (общевойсковых дисциплин), а потом, возможно, мы тебя переведем на кафедру службы и тактики ПВ», – ободрил меня генерал.

Аналогичным образом я представился всем заместителям начальника пограничного училища. Меня назначили в соответствии с предписанием – преподавателем тактики кафедры ОВД.

Я ехал в пограничное училище с мыслью: оставаться в пограничном училище ненадолго. Ведь должность преподавателя в то время была всего лишь майорской. Ведь с майорской должности я поступал в военную академию. Поэтому я думал, что пару лет поработаю преподавателем, присвоят в училище мне воинское звание майор, – и укачу служить в войска. Из своего опыта службы в пограничном отряде я понял, что работать в штабе отряда, если ты не майор, – делать нечего, так как прислушиваться к мнению капитана никто из командования пограничного отряда не будет.

Итак, после представления начальнику пограничного училища и его заместителям и определения меня на кафедру ОВД, я пошел представляться начальнику кафедры. Начальником кафедры был тогда полковник Полютов Ю. В., его заместителем – подполковник Шепель Н. И.

После моего представления, начальник кафедры со мной побеседовал. В ходе беседы поинтересовался, где я походил службу офицером, как я учился в военной академии, и каково семейное положение. Рассказал мне о задачах кафедры, о лучших методистах и как необходимо мне трудиться, чтобы быстрее овладеть методическим опытом кафедры.

Кафедра ОВД – это боевая кафедра, по составу – очень большая. По штату на кафедре было, с начальником и его заместителем, 32 офицера-преподавателя.

Мне помнится, как 15 августа 1978 года в 15.00, в классе тактики, начальник кафедры представил кафедре вновь прибывших преподавателей: меня, капитана Андреева В. А. и капи-

тана Громадского А. Ф. На кафедру прибыло тогда три офицера – выпускников Военной академии им. М. В. Фрунзе.

На кафедре ОВД, из числа офицеров-преподавателей (тактиков), было создано пять предметно-методических комиссий (ПМК) – на каждый курс курсантов по одной и пятая ПМК – на курсах переподготовки начальников застав.

На кафедре ОВД предметно-методическую комиссию возглавлял старший преподаватель курса, он же являлся председателем ПМК. Это была должность подполковника.

В состав каждой ПМК входило от четырех до шести преподавателей.

На кафедре был установлен таков порядок, что все преподаватели передвигались со своими курсантами из курса на курс. Кто из преподавателей начинал работу на 1-м курсе, тот доводил курсантов до 4-го курса, то есть до выпуска.

Меня начальник кафедры включил в состав ПМК-3 (третьего курса). Вот и стал я с 1-го сентября 1978 года преподавателем тактики на 3-м курсе.

Предметно-методическую комиссию 3-го курса возглавлял старший преподаватель курса, майор Таратута П. В. Это был толковый, грамотный офицер. Занятия проводил живо, энергично и интересно, что очень нравилось курсантам. При совместной работе я многому у него научился. Он, дополнительно, меня определил секретарем ПМК. Это значило, что все заседания ПМК я должен был оформлять протоколами в специальной тетради.

До начала учебного года (с 1-го сентября) оставалось дней десять. Начальник кафедры поставил задачу старшему преподавателю, чтобы он меня ознакомил с частной методикой преподавания дисциплины. Поэтому до начала учебного процесса я сидел в кабинете и изучал частную методику. Ознакомился с особенностями чтения лекций, проведения семинарских, групповых и практических занятий, а также групповых упражнений в поле с курсантами. Кстати, в частной методике была изложена методика отработки всех важных тем с курсантами 1-го, 2-го, 3-го и 4-го курсов. Поэтому все первые четыре года работы, готовясь к каждой теме занятий на разных курсах, пришлось в первую очередь начинать подготовку с изучения частной методики преподавания дисциплины. В этом кафедральном документе был сосредоточен весь передовой методический опыт кафедры.

За мной, приказом начальника пограничного училища, были закреплены две учебные группы 3-го курса (3-я и 4-я). Командиром 3-й учебной группы был старший лейтенант Никитин, а 4-й – лейтенант Зайцев. Вот с ними я и взаимодействовал при ведении учебного процесса.

Заместителем командира 3-й учебной группы был сержант Кобзев – требовательный и ответственный сержант. С ним легко решались вопросы подготовки курсантов к занятиям и другие организационные вопросы, касающиеся занятий. Сам он усваивал программу обучения по общей тактике на «отлично». В этой учебной группе было много способных курсантов. Особенно хочу выделить курсанта Корчагина; на занятиях он был, как палочка-выручалочка для преподавателя, особенно, если кто присутствовал на контроле с учебного отдела. На занятиях он был активен, всегда просился отвечать и ответы у него были толковыми. Наиболее слабыми курсантами в группе были курсанты Парфенов и Андреев, которые усваивали программу обучения в основном на «удовлетворительно».

Заместителем командира 4-й учебной группы был сержант Чекайло. Это так же был требовательный и ответственный сержант, на которого всегда можно было положиться. Благодаря его требовательности к курсантам все указания преподавателя по подготовке учебной группы к занятиям выполнялись. В этой учебной группе были сильные в учебе курсанты: Искандеров, Березин, Киргизбаев (брат Марата Киргизбаева, моего сокурсника по учебе в ВПКУ) и другие. В этой учебной группе были человек пять курсантов, которые учились по дисциплине на «удовлетворительно». Но самым слабым был курсант Раздобудько, относившийся к учебе недобросовестно, да и способностями к учебе он не обладал.

Толковыми были, в 4-й учебной группе, командиры отделений. К примеру, младший сержант Тимофеев С. М. Обучаясь на 4-м курсе, он ко мне приходил за партийной рекомендацией для вступления в члены КПСС. Я написал ему положительную рекомендацию. Поэтому я до сих пор помню его имя и отчество: Тимофеев Сергей Михайлович. Служил он долго в войсках, а под конец своей службы возвратился в пограничное училище подполковником и дослужился до полковника.

Всего на 3-м курсе было девять учебных групп, которые входили в состав 2-го учебного дивизиона. Командиром учебного дивизиона был подполковник Полумисков В. В. (когда я учился курсантом, он в нашем дивизионе был курсовым офицером). Заместителем командира учебного дивизиона по политической части был капитан Алименко А. Е. (он на год раньше меня окончил наше пограничное училище).

А курсовые офицеры – командиры учебных групп – в учебном дивизионе были от лейтенанта до майора.

На 3-м курсе курсанты были зрелые и такие, что в рот палец не клади. Были достаточно знающие, в военном деле подготовленные военнослужащие. Поначалу у меня с ними были отдельные недоразумения на занятиях, особенно противоречия с выставлением оценок.

В первые три месяца работы преподавателем у меня бывало и так: проводил несколько дней полевых занятий, в ходе которых опрашивал курсантов, выставлял в свой блокнот оценки, а когда в конце занятий подводил итоги и объявлял им оценки, то те, кто получил «неудовлетворительно» или «удовлетворительно», начинали роптать и задавать вопросы: «А за что мне двойка?» или «А за что мне тройку поставили?». Конечно, когда проходило несколько дней занятий, то трудно было мгновенно вспомнить и точно обосновать эту низкую оценку в конце полевых выходов. Этим они вводили преподавателей в заблуждение. Я быстро это понял. И стал быть внимательным к таким курсантам, то есть детально запоминал или делал пометки ответов этих курсантов в своем блокноте и, когда задавался такой вопрос при подведении итогов, я аргументированно обосновывал, почему именно выставлена курсанту такая оценка. Тогда все вопросы отпадали. Те курсанты, которым я выставлял отличные или хорошие оценки, подобных вопросов никогда не задавали. Поэтому детально записывать их ответы никакой необходимости и не было.

Преподаватели тактики вели одну дисциплину – общую тактику (это общевойсковая тактика). Когда кто-то из преподавателей-специалистов болел, то приходилось, по указанию начальника кафедры, его подменять преподавателю тактики. Соответственно, надо было подготовиться по теме той дисциплины, чтобы качественно провести занятие. Другими словами – у нас на кафедре существовала взаимозаменяемость преподавателей. Преподаватели тактики должны были знать учебный материал и других дисциплин, которые проводились кафедрой.

Темы дисциплины (общая тактика) с курсантами, на каждом курсе обучения, отрабатывались следующим образом: читались лекции (начальником кафедры, заместителем начальника кафедры или старшими преподавателями). В основном лекции на 3-м курсе читал старший преподаватель – как опытный методист. Групповые занятия, семинары, практические занятия, групповые упражнения, консультации – проводились преподавателями курса; старший преподаватель проводил эти занятия в своих закрепленных учебных группах.

Старший преподаватель, после проведенных лекций, – перед началом проведения других видов занятий преподавателями – всегда с ними проводил методические занятия по занятиям темы, отрабатываемых с курсантами. Это были инструкторско-методические занятия в поле или показательные занятия, проводимые с курсантами. Кроме того, на ПМК и кафедре практиковались пробные занятия начинающих преподавателей и открытые занятия по плану, проводившиеся в течение учебного года каждым преподавателем не менее одного раза. Контроль занятий осуществлялся, кроме командования училища и учебного отдела, начальником кафедры, его заместителем и старшим преподавателем. Старший преподаватель обязан был в течение

месяца проконтролировать занятия каждого своего преподавателя и сделать записи в Журнале контроля занятий кафедры.

В конце августа 1978 года я познакомился со всеми преподавателями – членами ПМК 3-го курса. Кроме упомянутого старшего преподавателя, в составе ПМК работали преподаватели тактики: майор Доценко В. Ф. (40-ка летний офицер), капитан Исмагилов Г. А. А с моим прибытием, на ПМК 3-го курса стало работать четыре преподавателя. За каждым преподавателем было закреплено по две учебные группы, а за капитаном Исмагиловым Г. А. – три.

В пограничном училище большое внимание уделялось физической подготовке офицеров. Она была забита в расписание дня – по вторникам и четвергам с 16.30 до 18.00. Все свободные офицеры училища должны были прибывать в это время в спортивный зал на кафедру физической подготовки. Для занятий офицеров физической подготовкой, в пограничном училище имелись различные спортивные городки, а также, – стадион, плавательный бассейн, спортзал. В спортзале была волейбольная площадка и спортивные снаряды.

Офицеров-преподавателей назначали в суточные наряды один раз в месяц. Пока я был капитаном и майором, меня назначали помощником дежурного по училищу или дежурным по учебному корпусу. В период недельных полевых выходов преподаватели тактики были месяцами загружены занятиями, в обычные дни их не могли назначать на службу, их, зачастую, назначали в наряды с субботы на воскресенье. Можно сказать, что один выходной день в месяц пропадал, ведь утраченный выходной, в советское время, не предоставлялся в другие дни. Про этот выходной день, проведенный в наряде, никто и не заикался.

И вот с 1-го сентября 1978 года я включился в учебный процесс.

В сентябре 1978 года на 3-м курсе с курсантами каждой учебной группы, по расписанию, проводились 3-х дневные методические занятия в полевом учебном центре. Преподаватели готовили курсантов 3-го курса проводить практические занятия с курсантами 1-го курса. Была тогда такая практика – курсанты 3-го курса обучали курсантов 1-го курса основам общевойсковой тактики и, тем самым, получали методические навыки в обучении подчиненных. Накануне преподаватели, в течение первых трех дней, показывали курсантам 3-го курса методику отработки предстоящих занятий в форме инструкторско-методических занятий, а затем, после проведенных расчетов, курсанты 3-го курса, в течение следующих трех дней, сами отрабатывали эти вопросы, но уже на курсантах 1-го курса, выступая руководителями занятий.

В Алма-Атинском Высшем пограничном командном училище начинающими преподавателями считались те, которые не прокрутили с курсантами полный курс программы обучения, по предмету. Это значит – четыре года. Поэтому я пополнил список начинающих преподавателей.

Кафедра работала с учетом быстреего становления начинающих преподавателей. По плану кафедры предусматривались посещения начинающими преподавателями занятий, которые проводили опытные методисты кафедры. Старший преподаватель ежемесячно планировал посещения мной занятий у старших преподавателей – специалистов и тактиков.

Ежемесячно, один раз, проводился методический день кафедры и, как правило, в конце месяца. Он проводился в форме заседания кафедры, на котором присутствовали все офицеры-преподаватели кафедры; обязательно на заседаниях присутствовал кто-то из заместителей начальника учебного отдела или сам начальник учебного отдела.

Заседания кафедры начинались после обеда, где-то с 15.00. Основными вопросами, выносимыми для обсуждения на заседаниях кафедры, были такие вопросы как: итоги учебы и дисциплины курсантов за семестр; обсуждение разработанных методических документов; методика отработки наиболее сложных тем; обсуждение открытых занятий; итоги контроля занятий на кафедре и т. д. В конце каждого заседания один из преподавателей, по указанию начальника кафедры, готовился и выступал с обзором военно-периодической печати, таких журналов как: «Советская педагогика», «Военный вестник», «Зарубежное военное обозре-

ние», «Военно-исторический журнал», «Советское военное обозрение» и других. Наиболее важные статьи журналов, касающиеся методики преподавания, внедрялись в учебный процесс нашей дисциплины. В конце 70-х годов на кафедре широко распространялся опыт проблемного обучения курсантов. Новатором проблемного обучения являлся советский педагог Шаталов. Много статей этого педагога печаталось в журнале «Советская педагогика». Я часто, в то время, слушал его выступления по телевидению. Запоминал, какие он применял приемы и способы при проблемном обучении учащихся.

В своей практической работе по обучению курсантов я использовал поначалу приемы и способы, приобретенные мной в ШСС (школе сержантского состава), вспоминал методику проведения занятий преподавателями военной академии, которую они применяли на занятиях со слушателями, старался ее использовать, а также методику, предложенную старшим преподавателем. В течение первых четырех лет я только впитывал методику, имевшуюся на кафедре, и только после этого, уже сам начинал что-то изобретать новое, свое, совершенствовать имеющуюся методику.

Время шло, появлялись новые технические средства обучения, и, в связи с этим, надо было внедрять новую методику их применения на занятиях с курсантами. Но это все будет впереди. А пока, в конце 70-х и начале 80-х годов, надо было осваивать весь арсенал методики, накопленный кафедрой. Первые годы работы на кафедре – этим занимались все начинающие преподаватели.

Прошли в сентябре 1978 года методические занятия с курсантами 3-го курса, после которых они проводили практические занятия с курсантами 1-го курса.

В начале октября 1978 года с курсантами 3-го курса мы начали отрабатывать важную тему: «Рота в наступлении», которая отрабатывалась на нескольких занятиях. Лекцию по данной теме, на основной базе, проводил наш старший преподаватель; естественно, все преподаватели курса присутствовали на лекции. Потом начались четырехчасовые семинары по данной теме – первый – показательный – семинар проводил старший преподаватель, затем со своими учебными группами семинары проводили преподаватели курса. После семинарских занятий начались практические 3-х суточные полевые занятия. Практические занятия отрабатывались в форме группового упражнения. Первое практическое занятие, на своей учебной группе, проводил старший преподаватель, как показательное для преподавателей. Все мы, преподаватели 3-го курса, присутствовали три дня на занятии, внимательно слушали, записывали важные методические приемы, а по окончании практических занятий со своей группой, старший преподаватель устанавливал детальный расчет времени на отработку всех вопросов, мы его записывали и четко выдерживали при проведении занятий.

Через три дня после показательного занятия приступили к отработке практических занятий со своими учебными группами уже мы – преподаватели курса. Главным было на курсе при обучении курсантов – это единство методики обучения. И старший преподаватель за это отвечал и требовал от преподавателей.

Как же планировались и проводились занятия по общей тактике в поле в нашем полевом учебном центре (ПУЦ)?

Учебным отделом планировались с курсантами 3-х суточные и недельные полевые выходы. Накануне, старшим преподавателем разрабатывался план полевого выхода, который утверждался начальником пограничного училища. В план включались: практические занятия по времени, как днем, так и ночью, самостоятельная подготовка курсантов, показ учебного кинофильма, политико-воспитательные мероприятия, проводимые преподавателями (беседа, викторина, комсомольское или партийное собрание курсантов) и совершенствование полевой учебно-материальной базы.

Курсанты, в холодное время года, размещались в казарме, офицеры – в офицерской гостинице. Питание осуществлялось: курсантов – в курсантской столовой, офицеров – в офи-

церской столовой за плату. Если был недельный полевой выход на занятия, то преподаватели и курсанты выезжали в ПУЦ в понедельник на автомашинах в 07.00 утра и к 08.30 прибывали в полевой учебный центр. Там быстро размещались и в 09.00 начинались занятия. А в субботу, после занятий, в 15.00 – все возвращались на автомашинах на основную базу, в пограничное училище.

С целью выработки у курсантов высоких морально-боевых, командирских и психологических качеств, полевые выходы большей частью планировались в холодное время года.

Привожу пример одного из планов полевого выхода на 3-м курсе.

По прибытию в ПУЦ – в течение 30 минут – размещение курсантов; ровно в 09.00 – начало занятий на исходном положении, куда, по необходимости, выходила боевая техника. В течение шести часов – занятия в поле; затем, в 14.20, – обед для всех в столовой. С 15.30 – продолжение занятий в поле до наступления темноты (часа два – три); далее – самостоятельная подготовка до ужина (до 20.00). Во время самостоятельной подготовки преподаватель давал задание курсантам учебной группы и работал со слабоуспевающими курсантами: консультировал их, давал пояснения, принимал от них знания статей Боевого устава Сухопутных войск. После ужина, с 20.30 до 21.30, преподаватель с курсантами проводил политико-воспитательную работу (беседу, выступал с докладом на собрании и т. д.); с 21.30 до 22.30 – преподаватель организовывал показ учебного кинофильма. Если недельный полевой выход, то, как правило, во вторник и четверг, – ночные занятия от 3-х до 4-х часов (с 22.30 до 02.30). Следующий день начинался началом занятий с 09.00. Таким же образом был расписан каждый день полевого выхода.

В течение всего первого дня, при отработке темы: «Рота в наступлении», преподаватель занимался с курсантами организацией наступления роты. Это было – стояние учебной группы на месте, целый день. Если это стояние в декабре или январе, а следующая тема была в январе, то можно представить, как это стоять на холоде при 25-ти или 30-ти градусном морозе. И не только стоять, а еще надо заставить курсантов думать и заслушивать более-менее правильные ответы.

Коснемся отработки темы: «Рота в наступлении». За первый день занятий курсанты должны были организовать наступление роты. Им, накануне, выдавалось тактическое задание с исходной обстановкой, которую они должны были изучить на самостоятельной подготовке и нанести ее на рабочую карту, а на занятии, в первый день, – быть готовыми принять решение, отдать боевой приказ, организовать взаимодействие и всестороннее обеспечение роты. В первый день, до обеда и после обеда, курсанты осуществляли эту работу.

Преподаватель (старший начальник) объявлял оперативное время, ставил всех курсантов в должность командира роты и поочередно требовал доложить старшему начальнику тот или иной элемент организации наступления. Первое, с чего начинал преподаватель на новом учебном месте, назначив одного из курсантов командиром роты, – с проведения топографического и тактического ориентирования на местности. Затем он объявлял оперативное время, назначал очередного курсанта командиром роты и требовал, к примеру, – уяснить полученную задачу, следующего – оценить обстановку по какому-то из элементов; потом заслушивал других курсантов по остальным элементам обстановки. И последнее, в первый день занятий, – заслушивание курсантов в докладах решения на наступление. Заслушивая курсантов, преподаватель требовал от них давать обоснования своим ответам. Это и была такая форма обучения, как групповое упражнение при организации наступательного боя роты.

Второй день занятий по данной теме начинался с проведения боевого расчета, в ходе которого назначались должностные лица роты, командиры взводов и отделений. Один из назначенных курсантов командиром роты отдавал боевой приказ командирам взводов на наступление, другой – организовывал взаимодействие и всестороннее обеспечение, и, после этого,

начиналась динамика наступательного боя роты. Заранее, перед наступлением, помощники обозначали условного «противника» мишенями, и была еще группа подыгрыша.

Всю динамику наступательного боя роты преподаватели с курсантами отрабатывали методом группового упражнения. Отрабатывалось это таким образом: после атаки переднего края обороны «противника» выходили в боевом порядке на определенный рубеж; на этом рубеже преподаватель собирал и выстраивал курсантов учебной группы, доводил до них обстановку, какая сложилась на данном рубеже, курсанты наносили ее на рабочую карту; преподаватель давал время (несколько минут) на оценку сложившейся обстановки, затем, – заслушивал назначенных командиров рот: выводы из оценки обстановки, их решение, а также команды и распоряжения.

Чтобы курсантам облегчить работу по нанесению сложившейся обстановки на рабочие карты в ходе наступательного боя роты, преподаватель использовал переносную деревянную доску. На новом учебном месте в поле (на одном из рубежей) преподаватель ставил доску (которую перевозили с собой на автомашине ГАЗ-66), вытаскивал с командирской сумки коробочку с цветными мелками и на доске вычерчивал сложившуюся тактическую обстановку, а курсанты следом переносили ее на свои рабочие карты. На доске преподаватель записывал потери роты в бою, совместно с курсантами подсчитывал, что за «противник» перед фронтом наступления роты. Составлялось на доске, курсантом или преподавателем, соотношение сил и средств. Исходя из этого соотношения сил и средств (роты и противодействующего «противника») принималось курсантами (командиром роты) оптимальное решение. Тактическая обстановка, нанесенная тактическими условными знаками, была краткая, но по содержанию емкая. Хорошо зная условные тактические знаки, можно в сознании визуально представить все содержание сложившейся тактической обстановки на поле боя (на данном рубеже) и принять правильное решение. Этому мы, преподаватели, учили курсантов – будущих командиров.

Следующий шаг на практическом занятии, после заслушивания частных решений курсантов, тренировки их в подаче команд и распоряжений, – преподаватель проводил боевой расчет роты, выдавал имитационные средства, назначал из состава курсантов командира роты и проигрывали все практически в движении с использованием радиостанций и имитационных средств. Таким же образом, в течение второго и третьего дней, отрабатывалась динамика наступательного боя роты по решению вводных. Главным было на этих занятиях – научить каждого курсанта организовывать наступательный бой роты, а в ходе боя – умело управлять подразделениями роты в различных условиях обстановки, сложившейся при ведении наступательного боя ротой. В конце трехдневных занятий проводился преподавателем детальный разбор действий курсантов по организации наступления и управлением подчиненными подразделениями роты; выставлялись каждому курсанту оценки.

Близилось 7-е ноября 1978 года. Как обычно, – предстоял военный парад на центральной площади г. Алма-Ата. За месяц до начала парада с курсантами училища начались строевые тренировки: сначала – в училище, затем четыре-пять – гарнизонных тренировок и последняя – генеральная репетиция (за день-два до парада). Из числа офицеров-преподавателей была сформирована офицерская коробка. Все преподаватели нашей кафедры попали в парадный расчет, и участвовал в военном параде 7-го ноября 1978 года в г. Алма-Ата.

По учебному плану у курсантов 3-го курса были запланированы две войсковые стажировки: первая – с 10 ноября по 31 декабря 1978 года, а вторая – летом – с 1-го по 30 июля 1979 года.

После ноябрьских праздников 1978 года меня вызвал начальник кафедры полковник Полютов Ю. В. и поставил задачу, что я должен поехать с курсантами на стажировку в Кяхтинский пограничный отряд Забайкальского пограничного округа в качестве руководителя стажировки, а летом меня для поездки не будут привлекать.

За неделю до выезда на стажировку я встретился с группой курсантов, выезжающих стажироваться в этот пограничный отряд, проинструктировал их о порядке следования к месту стажировки и ведения курсантских журналов стажировки. Затем оформил необходимые документы для организации стажировки. Приобретением билетов на самолет, для преподавателей и курсантов, занималось командование учебного дивизиона.

За сутки до выезда курсантов на стажировку с ними, в актовом зале, начальником пограничного училища генерал-лейтенантом Меркуловым М. К. проводился инструктаж. Это собрание курсантов началось в 17.00. Командир учебного дивизиона подполковник Полумисков В. В., после доклада начальнику училища, приступил к подведению итогов учебы за прошедший месяц. И как только в докладе он называл фамилию курсанта, который отличился с негативной стороны, так тут же генерал требовал подняться этому курсанту и начинал воспитательную работу, которая длилась минут 15 – 20. Было поднято поочередно таких курсантов человек пять-шесть, – и каждого генерал воспитывал. Поэтому это собрание по подведению итогов и проведению инструктажа на стажировку, вместо одного часа, продлилось на четыре часа.

11 ноября 1978 года мы вылетели на стажировку самолетом ТУ-104 с г. Алма-Ата и летели до г. Улан-Уде. В то время в Улан-Уде были сильные морозы. С аэропорта г. Улан-Уде мы доехали автобусом до железнодорожного вокзала; взяли там по требованию билеты до станции Наушки. Поезд шел через два-три часа. Часа четыре-пять мы ехали поездом до станции Наушки. В п. г. т. Наушки дислоцировалось пограничное КПП «Наушки», которое находилось в 400 м от станции. От КПП до пограничного отряда было еще 50 км. Я решил с курсантами выдвинуться на КПП и оттуда позвонить в пограничный отряд оперативному дежурному, чтобы за курсантами прислали с отряда автобус. Пока курсанты дошли до этого подразделения (КПП) с железнодорожной станции, так некоторые приморозили себе уши и носы – температура ведь доходила до 40 градусов мороза и более.

Через 1,5 – 2 часа за нами с отряда прибыл автобус, и мы прибыли в пограничный отряд. Я доложил начальнику отряда о прибытии курсантов на стажировку. О нас в отряде знали – заранее была телеграмма с управления Забайкальского пограничного округа. Была организована встреча с командованием пограничного отряда, на которой до курсантов были доведены особенности охраны государственной границы с Монгольской Народной Республикой, дана характеристика каждой из застав, где должны были стажироваться курсанты. После этого было проведено распределение курсантов на пограничные заставы и организована их отправка.

Я на некоторое время остался при управлении пограничного отряда. Через два-три дня начал выезжать на заставы, контролировал работу стажеров, давал им инструктажи, проводил с каждым индивидуальные занятия. Курсанты стажировались в должности заместителя начальника заставы. Всю проделанную работу они фиксировали в своих журналах стажировки. Одной из моих задач было – заказать и приобрести билеты на самолет на обратный путь до Алма-Аты после окончания стажировки.

Самолеты до Алма-Аты вылетали с Улан-Уде, а я находился в п. г. т. Кяхта, где дислоцировалось управление пограничного отряда. Пришлось мне хорошо покрутиться, чтобы заказать билеты для себя и курсантов и своевременно их выкупить. Билеты выкупил. Места в билетах на самолет были указаны только до г. Новосибирска, и нам в аэропорту Новосибирска надо было еще постоять, чтобы получить места на алма-атинский рейс.

В Кяхтинском пограничном отряде я встретил своего однокурсника по пограничному училищу – капитана Коркина Юрия. Я с ним учился в одной 7-й учебной группе, мы на первом курсе были командирами курсантских отделений, а после 2-го курса и до самого выпуска с пограничного училища, он был заместителем командира учебной группы. В Кяхтинском пограничном отряде он занимал должность командира автотранспортной роты. Много раз мы собирались по вечерам и вспоминали наши курсантские годы учебы.

Однажды, в середине стажировки, я решил посетить курсантов на заставах. Попросил у начальника штаба автомашину для поездки. Мне выделили легковой УАЗ-469, и я после обеда выехал с отряда на ближайшую заставу, где стажировался курсант. Мороз был на улице минус 44 градуса. Я поехал в хромовых сапогах. Ехал с водителем по полевой дороге, далее выехал на пограничную дорогу, идущую вдоль КСП и сигнализационной системы. До заставы оставалось 8 – 10 км и вдруг автомашина заглохла и остановилась. Уже начинались сумерки. Водитель вышел с машины в одном кителе и начал копать в двигателе. Я его спросил: «Где твоя шинель?» – «Осталась в отряде, в роте», – ответил он. Вот тут мне пришлось поволноваться. Поблизости населенного пункта не было, до заставы километров десять. Тогда я подумал: «Если через десять минут водитель не устранит неисправность, мы замерзнем. В машине масло и охлаждающая жидкость быстро застынут на морозе и завести будет невозможно». Ноги в сапогах начали замерзать, уже начинало совсем темнеть, двигатель совсем остыл, у водителя никакого фонарика не было – все копался наощупь. Я вздохнул с облегчением – наконец-то автомашина завелась. «Вот какую „развалюху“, а не машину, мне подсунули», – подумал я. Наконец-то, когда совсем стемнело, я с водителем доехал до 7-й пограничной заставы.

С прибытием на заставу я, в первую очередь, побеседовал с начальником заставы, поинтересовался, как работает курсант. Затем встретился с курсантом, проверил его записи в журнале стажировки. Узнал о его трудностях в работе, дал инструктаж. Зашел в канцелярию к начальнику заставы, а там, в помещении, ничего не было видно – все было заполнено дымом; я ощутил себя, как в густом тумане. Оказывается, начальник заставы с заместителем по политической части курили сигареты одну за другой. Я с ними посидел не более 10 минут – было невозможно дышать – и ушел отдыхать в приезжую комнату. На второй день я осуществил контроль проводимых курсантом мероприятий и выставил ему оценки. После обеда я с водителем на автомашине уехал на 8-ю пограничную заставу. Таким образом, я работал с курсантами на всех заставах, где они стажировались.

По окончании стажировки всех курсантов собрали в отряд и с ними подвели итоги работы на заставах. Перед комиссией, из числа офицеров штаба пограничного отряда, курсанты отчитались за свою работу; им были выставлены оценки за войсковую стажировку, что и было оформлено приказом начальника пограничного отряда. Я получил выписку из приказа с оценками курсантов, которую необходимо было сдать в учебный отдел училища.

30 декабря 1978 года, рано утром, я выехал с курсантами на отрядном автобусе до КПП «Наушки», то есть до железнодорожной станции. В Наушки сели на поезд и доехали до железнодорожного вокзала в г. Улан-Уде, а оттуда автобусом – до аэропорта, сделали посадку на свой самолет и улетели по расписанию. К 17.00 30 декабря 1978 года мы были в аэропорту г. Новосибирска. Когда подошли к кассам, чтобы нам проставили места на ближайший рейс до г. Алма-Аты, то оказалось, что свободных мест нет. Пришлось в аэропорту всю ночь ожидать, уговаривали курсанты девушек на регистрации, чтобы нас оформили первыми при появлении свободных мест. Пришлось сброситься на небольшой подарочек. В конце концов, только утром, 31 декабря, я с курсантами вылетел до Алма-Аты на самолете ТУ-104, и мы благополучно приземлились в аэропорту г. Алма-Ата, а оттуда автобусом доехали до пограничного училища.

По прибытию в пограничное училище я сдал все документы, о результатах стажировки доложил в учебный отдел и своему начальнику кафедры.

До окончания учебного семестра оставался один месяц. Поэтому курсанты до своих зимних каникул (с 1-го по 14-е февраля) продолжали учиться весь январь 1979 года.

После окончания новогодних праздников, 2-го или 3-го января 1979 года, я вышел на работу и явился на свою кафедру. От преподавателей своей предметно-методической комиссии я узнал, что, когда я с курсантами был на стажировке, мне выделили 2-х комнатную квартиру. Оказалось, что за эту квартиру шла сильная борьба, – ведь в нашем училище было очень много очередников на жилье. В декабре 1978 года состоялось заседание жилищной

комиссии училища, где рассматривался вопрос о распределении нескольких квартир. Начальник кафедры ОВД полковник Полютков Ю. В., будучи в отпуске и узнав о заседании жилищной комиссии, немедленно прибыл на ее заседание и долго доказывал, что именно его офицерам-преподавателям квартиры нужнее, чем другим, – и отвоевал для меня 2-х комнатную квартиру. Этот пример можно привести в знак того, как заботился в то время руководитель кафедры о своих подчиненных, невзирая на то, что даже был в отпуске.

Конечно, такого начальника кафедры грех подводить его подчиненным. Поэтому все преподаватели вылезали со шкуры и старались, чтобы не было замечаний со стороны командования училища, как во время занятий, так и во время несения службы во внутренних нарядах.

Наш начальник кафедры полковник Полютков Ю. В. был и очень требовательным офицером. К примеру, в феврале 1979 года в один из дней, рано утром, был в училище «Сбор по тревоге» – был подан условный сигнал, который передавался через посыльных. Офицеры училища проживали в разных районах города, поэтому собирались очень долго. Некоторые офицеры кафедры, прибежавшие первыми, видели, как бежал в училище с военного городка, находящегося за забором училища, наш начальник кафедры по этой тревоге. Сигнал оповещения доходил до офицеров с запозданием. Прошло минут 40 после подачи сигнала тревоги, начальник кафедры, проверив собравшихся офицеров кафедры, сидел в кабинете и ожидал прибытия остальных. В окно из своего кабинета он увидел майора Кравцова Е. Л. – преподавателя нашей кафедры, проживавшего в военном городке училища, – который спокойно, не торопясь, шел в училище. По прибытию его на кафедру, полковник Полютков Ю. В. подверг его определенной воспитательной проработке:

– Товарищ майор, вы слишком сильно торопитесь, чтобы во время прибыть на кафедру по сигналу «Тревога»?! Надо бежать, ведь засекается время сбора кафедры! – набросился он на своего подчиненного.

– Товарищ полковник, я уже знал, что поступил сигнал «Отбой», поэтому шел не спеша, – ответил майор Кравцов.

И тут начальник кафедры взорвался:

– Вы должны были быть на кафедре полчаса назад, вместе со всеми, – наседали наш начальник. Но от Евгения Леонидовича Кравцова шли оговорки, что к нему сигнал поступил поздно и т. д. В конце концов, от начальника кафедры он получил строгий выговор за несвоевременное прибытие на кафедру по сигналу «Тревога».

Можно представить такую картину: начальник кафедры бежал сломя голову, чтобы успеть вовремя в училище после поданного сигнала «Тревога», а подчиненный еле плелся пешочком на кафедру. Конечно, это возмутило начальника кафедры.

После 10 января 1979 года опять начались занятия в поле на нашем 3-м курсе. Преподаватели курса проводили очередную тему: «Рота в обороне». Трещали морозы до 30 градусов. Эта тема предполагала заниматься на одном месте – в опорном пункте роты. Первый день – организация обороны, – опять стояние на месте. Курсанты на занятиях в сапогах, я тоже был в яловых сапогах. Курсанты без конца топали ногами – мерзли ноги. Я стоял себе на месте перед строем, слушал ответы курсантов, по необходимости, давал варианты правильных решений. Ноги мерзли, но я не подавал виду. Я не мог терпеть этого топая ногами и спросил курсантов:

– Товарищи курсанты, в чем дело? Неужели сильно ноги мерзнут? Вы посмотрите на меня, – разве я топаю ногами?

Тогда курсант Сероштан за всех мне ответил:

– Вам, товарищ капитан, хорошо, у вас сапоги на меху.

Я позвал его к себе, снял сапог с правой ноги и показал ему, говоря: «Смотрите, где вы видите тут мех?» Он посмотрел и сказал: «И правда, сапоги без меха!» Нога моя была обмотана

обыкновенной белой портянкой – вот и весь мех. После этого курсанты начали терпеть мороз, беря пример с преподавателя.

Время шло, наступила весна 1979 года, я все больше и больше овладевал методическим опытом кафедры, перед каждым занятием обращался к частной методике преподавания дисциплины; по плану посещал занятия, проводимые опытными методистами кафедры, регулярно посещал занятия, проводимые с начинающими преподавателями в системе всего училища.

Я любил заниматься спортом. Поэтому не пропускал занятий по физической подготовке с офицерами училища, которые проводились по вторникам и четвергам. Офицеры-преподаватели, зачастую, играли в волейбол после общей разминки. Там образовывалось несколько команд, и играли навывлет – проигравшая команда уступала место другой, которая ожидала своей очереди. Я, в основном, ходил в плавательный бассейн и за полтора часа на плавании накручивал по 1000 метров. И так почти каждый раз. Но постепенно я увлекся и волейболом. Часто играл в команде. Но это было намного позже, через два-три года. Зимой офицеров, по плану, привлекали к участию в гонках на лыжах. Трассы были на пересеченной местности, были высокие подъемы и крутые спуски. Приходилось много раз падать, двигаясь по такой трудной 5 км трассе.

В марте 1979 года были обще училищные соревнования по марш-броску на 6 км, офицеры-преподаватели также привлекались. Я в том марш-броске участвовал и занял призовое, 3-е, место, за что мне вручили грамоту.

С 15 по 18 апреля 1979 года с курсантами 3-го и 4-го курсов планировались двусторонние тактические учения в песках Муюнкум, которые простирались за нашим тактическим полем. Разработку материалов учений было поручено нашей кафедре – кафедре общевойсковых дисциплин. За неделю до начала учений начальник кафедры ОВД полковник Полюттов Ю. В. вывез в поле, в пески, всех офицеров-посредников на рекогносцировку, чтобы все посредники при обучающихся подразделениях изучили местность и знали все рубежи и порядок действий курсантских подразделений. Я также участвовал в этой рекогносцировке. Начальник кафедры на учении определил мне роль и место – постоянно быть при руководителе учений (при генерал-лейтенанте Меркулове М. К.). На какой бы рубеж он ни передвигался на своем УАЗ-469, я должен был следовать с ним вместе и объяснять ему о действиях учебных подразделений, а при остановках на месте, – должен был выносить большой белый флаг, означающий, что там остановился руководитель учений, чтобы все видели и знали, где он находится.

На рекогносцировке (при изучении местности), проезжая с одного рубежа к другому, мы проезжали мимо высот, на которых стояли работающие станции тропосферной связи. Мы остановились, и полковник Полюттов Ю. В. обратился ко мне: «Товарищ капитан, когда вы будете с генералом здесь проезжать, и вдруг он спросит, что это за антенны, то вы ему ответьте, что это – станция тропосферной связи. А если спросит о подробностях ее работы, то говорите, что угодно, он все равно этого не знает».

Начальник пограничного училища генерал-лейтенант Меркулов М. К. не вмешивался в учебный процесс. Он любил заниматься строительством и хозяйством. Однажды при мне, он, обращаясь к присутствующим офицерам, находясь в ПУЦ, говорил, что это не руководитель, если он не занимается строительством. По его мнению, руководитель большого военно-учебного заведения должен после себя оставить заметный след.

Действительно, при генерал-лейтенанте Меркулове М. К. было много построено объектов в ПУЦ: заасфальтированы дороги, для каждого учебного дивизиона была построена своя казарма, построены аллеи и мемориалы, посвященные победе в Великой Отечественной войне, новый свинарник, сооружены и зарыблены два озера, разработаны и засаживались овощами поля (каждый учебный дивизион был закреплен за каким-то полем); засадили всю территорию ПУЦ деревьями.

Все это делалось и в ущерб учебного процесса, так как по субботам занятия сокращались или отменялись, – курсанты, находящиеся в ПУЦ, привлекались к работам. И это при мне длилось два-три года. Объявлялись субботники и воскресники.

Преподаватели то же привлекались к участию в субботниках и воскресниках.

Помню, как за десять дней до предстоящих учений, мы (преподаватели и курсанты) участвовали в воскреснике. Накануне воскресника начальник пограничного училища в своем кабинете давал инструктаж старшим на участках. Я тоже был на инструктаже. Я был назначен старшим группой курсантов, занимающихся посевом бахчевых культур. И начальник пограничного училища мне давал инструктаж, как нужно сажать дыни и арбузы: какие должны быть лунки, как заливать водой, по сколько втыкать семечек, на каком удалении должны быть лунки и рядки друг от друга и т. д.

Тактические учения с курсантами 3-го и 4-го курсов начались в соответствии с планом – 15 апреля 1979 года; на учениях я ездил с начальником пограничного училища, отвечал на его вопросы по действиям курсантских подразделений, но он так меня и не спросил, что это были за антенны тропосферной связи. Учения прошли без всяких чрезвычайных происшествий.

После проведенных учений на 3-м курсе проводились 3-х суточные полевые выходы с каждой учебной группой. При нахождении в полевом учебном центре, в то время, я оказался свидетелем неприятной сцены.

Это была среда в конце апреля 1979 года. Преподаватели нашей ПМК 3-го курса провели занятия с первым потоком учебных групп, которые прибыли еще в понедельник на занятия. С четверга мы начинали занятия со вторым потоком и должны заканчивать занятия в субботу. Учебные группы второго потока так же находились в полевом учебном центре. Поэтому с 16.00 преподаватели ПМК 3-го курса готовились организовать и проводить самостоятельную подготовку курсантов. Мы, преподаватели тактики, пришли в классы учебных групп, чтобы организовать подготовку курсантов к нашим занятиям, а курсанты в классах отсутствовали и пришли только в 17.00. Оказывается, их задержали на целый час. Дело в том, что преподавателями кафедры военно-технической подготовки, до обеда, с курсантами наших учебных групп, проводились занятия по вождению боевой техники, а после обеда их привлекли к обслуживанию боевой техники вместе с механиками-водителями. И обслуживание боевой техники затянулось до 17.00. Старшим на полевом выходе от кафедры ВТП был подполковник Слободянюк О. К. (старший преподаватель кафедры). Он был участником Великой Отечественной войны; на фронте был командиром танка; имел правительственные награды, – на его мундире все видели орден Красной Звезды. Преподавал он в пограничном училище давно, еще, когда я был курсантом.

В тот же день, вечером, после окончания самостоятельной подготовки, возле офицерской гостиницы собрались офицеры-преподаватели из разных кафедр, было их человек десять-двенадцать, и тут я увидел и услышал, как майор Таратута П. В. подошел и начал отчитывать подполковника Слободянюка О. К. за задержку учебных групп; отчитывал в грубой, неуважительной форме, что мне даже стало не по себе. Не хорошо было слышать, как отчитывают такого заслуженного фронтовика, да и по возрасту он был почти в два раза постарше майора Таратуты П. В. Ведь Таратута П. В. только в 1942 году родился, а Онуфрий Клименьевич в то время воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Поэтому у меня в душе, с тех пор, закралась негативная оценка человеческих качеств Петра Васильевича Таратуты.

Он рьяно набросился на ветерана Великой Отечественной войны с тем, что хотел служить своему начальнику кафедры полковнику Полютову Ю. В. Оказывается, когда-то, когда полковник Полютов Ю. В. был еще майором – на кафедре ОВД по штату была предметно-методическая комиссия бронетанковой подготовки, – и тогда старшим преподавателем бронетанковой подготовки был подполковник Слободянюк О. К. Бывало, что подполковник Слободянюк О. К., на проходивших совещаниях и собраниях, выступал с критикой в отношении майора

Полютова Ю. В. Прошло много времени, полковник Полютов Ю. В. руководил кафедрой ОВД, а ущемленное самолюбие осталось.

Поэтому майор Таратута П. В. и не боялся нападать на подполковника Слободянюка О. К., зная, что, если это выйдет на командование училища, полковник Полютов Ю. В. его за это всегда защитит.

Кажется, в конце июня 1979 года нашего начальника кафедры полковника Полютова Ю. В. перевели в Москву, в Главное управление Пограничных войск на должность начальника отдела ВВУЗов. Новым начальником кафедры был назначен его заместитель – подполковник Шепель Н. И. А заместителем начальника кафедры назначили подполковника Дрошнева А. С., который до этого занимал должность старшего преподавателя 4-го курса.

Незаметно подошло время приема курсовых зачетов на 3-м курсе. Мои учебные группы сдали этот зачет по общей тактике на общую оценку «хорошо».

Как и было по учебному плану, в июле 1979 года, курсантам 3-го курса предстояла вторая войсковая стажировка на пограничных заставах. Руководителями стажировки курсантов, наряду с курсовыми офицерами, назначили и офицеров-преподавателей с разных кафедр. От нашей кафедры требовался один офицер руководителем стажировки. Новый начальник кафедры ОВД подполковник Шепель Н. И. вызвал меня и поставил задачу вновь мне готовиться ехать руководителем стажировки. В то время на кафедре ОВД был таков порядок, какой курс курсантов едет на стажировку, с этого же курса и назначаются преподаватели руководителями стажировки. Но требовался один преподаватель от кафедры, и начальник кафедры назначил именно меня. Я, конечно, был недоволен, ведь мне обещали, что я второй раз на стажировку не поеду. Тем более что моей маленькой дочери исполнилось всего полтора месяца, надо было помогать жене, а меня на целый месяц отрывали от дома.

Новый начальник кафедры подполковник Шепель Н. И. был, можно сказать, беспринципным начальником. Он часто менял свои решения. Мог что-то пообещать офицеру, а потом забыть об этом или сослаться на какие-то причины. Собираясь в компаниях, он не контролировал меру выпивки, и часто перебирал.

Помню, как в середине сентября 1979 года, майором Савенко П. Ф. проводился в поле открытый урок по военной топографии; на этом занятии присутствовали все свободные преподаватели кафедры. Открытый урок проводился в субботу и закончился в 13.30. Там же в поле, отпустив учебную группу курсантов, начальник кафедры организовал разбор открытого урока. Все присутствовавшие преподаватели в своих выступлениях дали положительные отзывы о проведенном занятии. При подполковнике Шепеле Н. И. и началась традиция закрывать открытые уроки. Это значило, что проводивший занятие преподаватель, должен был выставиться после разбора открытого урока. Майор Савенко П. Ф. не поскупился – выставил три бутылочки «Пшеничной» водочки, хорошую закуску, прихватил набор рюмочек. Ну и начали закрывать этот урок до тех пор, пока не прикончили все три бутылки «Пшеничной». Много говорили, веселились, шутили. А там и время подошло к 14.30, а в 15.00, с ПУЦ до училища, должна трогаться общая колонна с курсантами. Нас, человек 12 офицеров кафедры, находились далеко в поле. За нами на автомашине ГАЗ-66 возвратился майор Савенко П. Ф., отправлявший с поля учебную группу. Он возмущался, говоря: «Колонна автомашин ждет вас, выехать никак не может, быстрее садитесь в кузов автомашины, и едем к строящейся колонне». Все офицеры начали быстро садиться в кузов автомашины. Начальник кафедры, хватанув лишнего, окосел и не мог самостоятельно передвигаться. Ему помогли вскарабкаться в кузов автомашины. Капитан Исмаилов Г. А. заговорил, что начальнику кафедры в таком виде показываться там нельзя – ведь на построении колонны присутствуют офицеры учебного отдела, предложил завезти начальника кафедры в офицерскую гостиницу, и они там останутся ночевать, а на следующий день (в воскресенье) они вместе приедут в Алма-Ату на автобусе с поселка Илийский. Так и решили поступить.

Подполковнику Шепелю Н. И., как говорили офицеры кафедры, многое сходило с рук. Другого офицера давно бы вызвали на командование или на партийную комиссию и наказали бы, а его нет. Оказывается, его жена работала в политотделе училища инструктором, заполняла все партийные документы, вела учетные карточки всех коммунистов училища. Поэтому подполковника Шепеля Н. И. и не трогали.

Что касается заместителя начальника кафедры ОВД подполковника Дрошнева А. С., то у него были свои сильные и слабые стороны. Он не боялся принимать ответственных решений. Во внеслужебное время любил посидеть в компаниях офицеров, был активным рассказчиком всевозможных анекдотов, и, конечно, любил выпить в кампании.

Помню, как однажды, он зашел в преподавательскую комнату, называемую «людской», так как там располагалась самая большая по численности ПМК, и начал долго рассматривать на стене, оформленный в рамочке, список кафедры с днями рождения преподавателей. Смотрел, смотрел, и на завтрашний день не нашел ни одного преподавателя у кого бы назавтра был день рождения. Подполковник Дрошнев А. С. повернулся от списка, посмотрел на сидящих преподавателей и сказал: «Капитан Андреев, у вас завтра день рождения!». Капитан Андреев В. А. так и подскочил от сказанного и ответил: «Как? У меня день рождения был три месяца назад...». Подполковник Дрошнев А. С. сказал: «Ничего, что был, я назначаю ваш день рождения назавтра». Так захотелось Анатолию Степановичу опрокинуть рюмку водки, – ведь большой оказался промежуток в днях рождения.

Интересный был такой случай, когда подполковник Дрошнев А. С. был еще старшим преподавателем.

Где-то в апреле 1979 года, в одну из суббот в послеобеденное время, собрались на квартире у подполковника Василькова А. А. три офицера-преподавателя нашей кафедры: сам подполковник Васильков А. А., подполковник Дрошнев А. С. и майор Кузюков П. К. и начали потихоньку распивать одну бутылку водки на троих. Долго сидели, по грамм 50 наливали в рюмочки и выпивали, вели веселые разговоры. Когда в бутылке осталось меньше 50 граммов, – им этого оказалось мало. И тут в открытое окно на кухне, где они сидели, увидели проходящего по аллее мимо дома майора Зорькина Анатолия, – преподавателя с нашей кафедры ОВД. Подполковник Дрошнев А. С. начал его звать: «Зорькин, зайди к нам, выпьем по 100 грамм!» Майор Зорькин отвечал, что ему некогда, он спешит в магазин. А эти офицеры все его звали, говоря, что «успеешь в магазин». Майор Зорькин к ним поднялся на 2-й этаж. Подполковник Дрошнев А. С. остаток в бутылке, по грамм 20, разлил на четверых и предложил всем выпить. Все выпили и начали закусывать. Немного закусили. И тут подполковник Дрошнев А. С. майору Зорькину сказал: «Ну, что, Анатолий, мы все выпили, а теперь беги в магазин за бутылкой!» Ничего не оставалось майору Зорькину, как сходить в магазин и купить бутылку водки для продолжения посиделки.

Здоровьем был крепкий подполковник Дрошнев А. С.: никогда не пьянел, сколько бы ни выпил спиртного, легко переносил холод в зимнее время в ПУЦ.

Однажды рано утром, в январе 1979 года, находясь на занятиях в ПУЦ, я и капитан Исмагилов Г. А. зашли в комнату гостиницы, где отдыхал подполковник Дрошнев А. С., и что мы увидели? Этот старший преподаватель лежал и храпел, находясь под одной простыней, с открытой форточкой; в комнате было холодно, а он под простыней без всякого нательного белья и не мерз, а на улице было 28 – 30 градусов мороза. Поэтому мы все удивлялись.

Подошло время отправляться мне с курсантами на летнюю войсковую стажировку.

На войсковую стажировку с курсантами в июле 1979 года я отправлялся руководителем на два пограничных отряда Восточного пограничного округа – Панфиловский и Чунджинский. С Алма-Аты, к месту стажировки, курсанты выезжали городскими автобусами. Одну группу курсантов я отправил первой до г. Чунджа – это районный центр Уйгурского автономного района. С другой группой курсантов я сам на автобусе выехал до г. Панфилова – это тоже районный

центр. В этих районных центрах дислоцировались управления пограничных отрядов. Я с курсантами до Панфилова ехал автобусом 8 часов; до Чунджи с Алма-Аты ехать всего 6 часов.

Курсанты стажировались на заставах с 1-го по 30-е июля 1979 года на должности заместителя начальника пограничной заставы.

Прибыв в Панфиловский пограничный отряд, я организовал встречу курсантов с командованием пограничного отряда, после чего курсантов распределили по заставам и организовали их отправку к местам стажировки. Я полмесяца находился в этом отряде, ездил по заставам и руководил работой курсантов, контролировал проводимые ими мероприятия, их службу, ведение дневника курсанта-стажера. В этом пограничном отряде я встретил двух своих однокурсников по пограничному училищу и военной академии: капитана Исаченко В. И., он был начальником боевой подготовки пограничного отряда и капитана Гурнака А. С., он командовал пограничной комендатурой. При встрече с замполитом этой комендатуры, он мне говорил, что вся комендатура ждет и никак не может дожидаться, когда же капитан Гурнак А. С. женится. Он был еще холостяком, делать было нечего, поэтому каждую ночь разъезжал и поднимал заставы по различным сигналам тревог, без конца пускал «учебных нарушителей». Не давал покоя подчиненным заставам.

Через полмесяца, дав инструктаж старшему из числа курсантов, я на рейсовом автобусе прибыл в Чунджинский пограничный отряд. Проехал все заставы, где стажировались курсанты, и проверял их работу. В июле, в самой Чундже, было очень жарко, а на заставах, дислоцирующихся на высотах 2,5 тыс. метров и более, – 16 – 18 градусов тепла, в военной рубашке мне было даже прохладно находиться на заставах.

На комендатуре «Нарынкол» я встретил своего однокурсника по военной академии – капитана Умрилова В. М., он был комендантом пограничной комендатуры. На этой комендатуре я встретился с начальником 6-й пограничной заставы капитаном Балюком, – моим однокурсником по училищу. Много мы с ним разговаривали о наших курсантских буднях, перспективах службы, о наших товарищах по училищу, разбросанных по всей государственной границе.

Подшел конец летней стажировки курсантов на пограничных заставах. К 10.00 30 июля 1979 года все курсанты, стажировавшиеся на заставах Чунджинского пограничного отряда, были собраны в управление пограничного отряда, в Чундже. Итоги подводил ВРИО (временно исполняющий обязанности) начальника пограничного отряда майор Лукашевич Н. Ф. Каждый курсант детально отчитался за свою работу на заставе. При подведении итогов стажировки я давал рекомендации в отношении выставления заслуженных оценок каждому курсанту. Мои предложения относительно оценок были учтены в приказе начальника пограничного отряда. Заслушивание курсантов настолько затянул майор Лукашевич Н. Ф., что мы еле успели на автобус. Оставалось 10 мин до отправки автобуса; до этого времени я два раза напоминал майору Лукашевичу, что надо заканчивать и отправлять курсантов на автобус иначе мы опоздаем. Когда закончилось заслушивание, курсантов быстро усадили в два УАЗ-469, – и на автостанцию. Я ехал вместе с ними. Автобус уже готовился отправляться, так что еще бы на пару минут позже приехали, то пришлось бы догонять его. До Алма-Аты мы доехали без приключений.

В Панфиловском пограничном отряде итоги стажировки курсантов подводили без меня. Курсанты оттуда прибыли в Алма-Ату рейсовым автобусом благополучно. Документы по итогам стажировки в Панфиловском пограничном отряде мне предоставил в училище, старший из числа курсантов.

Курсанты с 1-го августа 1979 года отправлялись в отпуска и меня то же отправили в очередной отпуск, который я проводил в Алма-Ате.

С сентября 1979 года, после отпуска, начались мои занятия с курсантами, но уже на 4-м курсе.

К нам на 4-й курс, вместо майора Исмагилова Г. А. (ему в июле было присвоено очередное воинское звание), переведенного в Главное управление ПВ СССР, в Москву, назначили нового офицера-преподавателя – капитана Татьянина В. Л., окончившего Военную академию им. М. В. Фрунзе в 1979 году (моего однокурсника по училищу). Девять учебных групп 2-го учебного дивизиона, переведенные на 4-й курс, были закреплены за преподавателями следующим образом: за старшим преподавателем – 1-я и 2-я, за мной – 3-я и 4-я, за капитаном Татьяниным В. Л. – 5-я и 6-я, за начальником кафедры подполковником Шепель Н. И. – 7-я, за майором Доценко В. Ф. – 8-я и 9-я учебные группы. Соответственно, в ПМК 4-го курса входило шесть офицеров. Шестым на ПМК был подполковник Чемезов В. М. – старший преподаватель истории военного искусства, так как предмет военная история изучался только на 4-м курсе.

В те времена руководство кафедрой так же, как и преподаватели, занималось учебной работой. Начальник кафедры вел учебную группу на 4-м курсе, а его заместитель – на 3-м.

Мы с капитаном Татьяниным В. Л. еще считались начинающими преподавателями. В системе пограничного училища с начинающими преподавателями проводились различные методические занятия. Заместитель начальника учебного отдела отвечал за подготовку начинающих преподавателей. На общие мероприятия собирались все начинающие преподаватели училища в одном классе. Среди начинающих преподавателей я видел и майоров, и подполковников, и даже полковников. Иногда, по ошибке, начинающих преподавателей на занятиях называли молодыми преподавателями, то подполковники и полковники обижались за такое обращение, мол: «какие мы молодые преподаватели!».

Усложнилась работа на 4-м курсе. Ведь мы приступили к отработке с курсантами тем батальонной тематики, таких как: «Батальон на марше и в походном охранении», «Батальон в наступлении», «Батальон в обороне»; а также тем пограничной тематики: «Мотоманевренная группа в обороне», «Мотоманевренная группа в наступлении», «Действия мотоманевренной группы по поиску и ликвидации ДРГ», «Пограничная застава в наступлении по отражению вторгшегося противника» (с боевой стрельбой). Для начинающих преподавателей это было сложно. Поэтому учились у старших товарищей. Старший преподаватель курса майор Таратута П. В. по этим практическим темам – перед тем как нам самим проводить занятия – проводил показательные занятия для всех преподавателей 4-го курса. Я присутствовал на всех этих показательных занятиях, внимательно слушал, запоминал, наиболее важные методические приемы и методику отработки того или иного приема (действия) детально старался записать, а также правильный расчет времени на их отработку. Особое внимание обращал на порядок обозначения «противника», расчет имитационных средств и структуру группового упражнения, на порядок проведения разбора занятия. При проведении занятий со своими учебными группами я старался придерживаться методики проведения занятий, предложенной старшим преподавателем. В целом эти важные темы с курсантами 4-го курса всеми преподавателями курса были отработаны, курсанты твердо овладели знаниями и практическими навыками организации боя батальоном и мотоманевренной группой, научились управлять подчиненными подразделениями в различных условиях «учебно-боевой обстановки».

Вспоминается мне один случай при работе на 4-м курсе в 1979/1980 учебном году. В один из дней, в ноябре 1979 года, зашел к нам в кабинет начальник кафедры подполковник Шепель Н. И. В кабинете располагались преподаватели предметно-методической комиссии 4-го курса (тогда каждая ПМК имела свой кабинет). За столами сидели и готовились к занятиям два капитана (Штаченко Н. Н. и Татьянин В. Л.) и майор Доценко В. Ф. Старший преподаватель как раз в это время проводил занятия с курсантами. Подполковник Шепель Н. И. завел разговор о том, что в одной из методических разработок, составленной старшим преподавателем майором Таратутой П. В., на его взгляд, имеются неверные решения вводных по обстановке. И начал предлагать свои решения; я и капитан Татьянин В. Л. соглашались с доводами

начальника кафедры, а майор Доценко В. Ф. (сорокалетний офицер) никак не соглашался, все говорил, что старший преподаватель методический документ составил верно.

Когда ушел с кабинета начальник кафедры, тут и насел на нас Василий Федотович: «Вы еще молодые преподаватели и не знаете, как надо себя вести в таких случаях, а я вам вот что скажу: вы должны всегда защищать своего старшего преподавателя, а не поддакивать начальнику кафедры, мало что ему взбредет в голову...!»

Майор Доценко В. Ф. по характеру был спокойным, рассудительным офицером, но немножко медлительным и флегматичным. Проживал он на улице Хаджи-Мукана (рядом с училищем). И был случай, при работе на 4-м курсе, когда он умудрился опоздать на автобус, следовавший в полевой учебный центр. Нет бы, выйти на остановку на 5 минут раньше до следования колонны, так нет же, – он выходил, минута в минуту, и автобус в тот раз только хвост показал, – как только сзади не махал руками майор Доценко В. Ф., никто его сигналов не заметил.

Выехало в ПУЦ четыре учебные группы, мы начали занятия, а майора Доценко В. Ф. нет. По указанию старшего преподавателя разбили учебную группу майора Доценко В. Ф. на части и пристроили к своим учебным группам. Мы с капитаном Татьяниным оба, при разговоре, полагали, что возможно майор Доценко В. Ф. внезапно заболел, что не появился на занятиях. И только, где-то, через час или полтора приехал майор Доценко В. Ф. Тогда мы узнали причину его опоздания. Пришлось ему ловить такси, заплатить 25 рублей (водитель согласился ехать с учетом оплаты до ПУЦ и обратно до города) и прибыть на занятия в ПУЦ.

Как ни старался майор Доценко В. Ф. защищать своего старшего преподавателя, а когда Петр Васильевич Таратута, став начальником кафедры, этого не учитывал, – потребовались два преподавателя от кафедры в учебный центр Покровка (под г. Фрунзе), так одним из кандидатов стал, тогда уже, подполковник Доценко В. Ф., хотя и не хотелось ему туда уезжать. Его на кафедре посчитали не перспективным преподавателем.

В декабре 1979 года нас, меня и капитана Татьянина В. Л., вдвоем от нашего училища, привлекли к участию в спортивных соревнованиях, которые проводились по офицерскому многоборью среди динамовских команд на чемпионате Казахстанского республиканского совета «Динамо». Мы заняли призовые места, за что вручили нам грамоты и кубки. Я занял на этих соревнованиях первое место по стрельбе из пистолета Макарова и общее второе место; капитан Татьянин В. Л. занял общее первое место.

Во время зимних каникул, в феврале 1980 года, когда курсанты отдыхали, с офицерско-преподавательским составом проводились зимние учебно-методические сборы. На них проводились различного рода методические занятия, методические семинары и методические конференции с приглашением докторов наук с различных вузов г. Алма-Аты. Кроме того, на этих сборах с офицерско-преподавательским составом подводились, в масштабе училища, итоги учебы и дисциплины курсантов за прошедший учебный семестр. На кафедрах с преподавательским составом так же подводились итоги усвоения курсантами учебных дисциплин кафедр за семестр. Учебно-методические сборы зимой всегда заканчивались для офицеров-преподавателей проведением 3-х суточных командно-штабных учений (КШУ). Тематика для проведения КШУ каждый год менялась, один год – проводилось КШУ на полковую тематику, а на следующий год – на отрядную (пограничную). Чтобы задействовать всех офицеров-преподавателей на КШУ, формировалось несколько полковых или отрядных управленческих коллективов. На зимних учебно-методических сборах проводились различные зачеты с офицерами, соревнования на лыжах и т. д.

С офицерами учебных дивизионов и преподавателями, проводящими занятия на данном курсе, с участием командования училища, отдельно подводились итоги учебы и дисциплины курсантов дивизиона за учебный семестр или учебный год. Как только прибывали курсанты с каникул или отпусков, так и с ними организовывалось подведение итогов.

После всех этих подведений итогов и проведенных КШУ с офицерами, с 15 февраля 1980 года преподаватели ПМК-4 вступили в последний, 8-й, семестр обучения курсантов 4-го курса. Пришлось настойчиво работать, чтобы подвести курсантов к успешной сдаче государственного экзамена по нашей дисциплине – общая тактика.

Наступил апрель 1980 года. Предстояли опять 3-х суточные двусторонние тактические учения с курсантами 3-го и 4-го курсов.

Так как в боевых действиях в Афганистане участвовали, как войска Советской Армии, так и пограничники, – и действия в основном проходили в горной местности, – начальник пограничного училища решил учения с курсантами проводить в горной местности и с полной выкладкой. Учения планировалось провести с 18 по 20 апреля 1980 года за населенным пунктом Малыбай и проводить их в горах в районе Чунджи, за 230 км от Алма-Аты.

За неделю до этих учений проводилась рекогносцировка местности в районе предстоящих учений, на которую привлекались все посредники при курсантских подразделениях. Посредники должны были ознакомиться с маршрутами движения поисковых групп, в блокированном районе, с рубежами района прикрытия (блокирования); где должны развернуться боевые действия сторон, то есть ознакомиться с передним краем обороны, где он должен проходить, с рубежами атаки и контратаки и т. д.

Мне на учениях, на первом этапе, предстояло действовать посредником при боевом разведывательном дозоре, который выдвигался на учения впереди колонны на удалении до 10 км. Поэтому, при выезде на рекогносцировку, мне надо было хорошо запомнить маршрут, чтобы не сбиться с пути. До достижения населенного пункта Малыбай, я все время держал рабочую карту в руках и постоянно сверял маршрут, населенные пункты, делал курвиметром промеры расстояний, делал пометки на карте. За населенным пунктом Малыбай начинались горы, там и должны были проходить наши учения.

Преподавателей-посредников нашей кафедры и кафедры службы и тактики пограничных войск на рекогносцировку вывез заместитель начальника пограничного училища полковник Князев. После Малыбая рекогносцировочная группа свернула на полевою дорожку вправо, доехали мы до гор; наша автомашина дальше не пошла, осталась под горами. Мы все спешили, и каждый посредник пошел по своему ущелью, где предполагалось двигаться нашим поисковым группам. И я пошел по ущелью своей поисковой группы, где мне показали по карте. Ведь моя миссия посредника при боевом разведдозоре заканчивалась у подножья гор, за Малыбаем.

При проведении рекогносцировки пришлось долго идти по ущелью, а там оно сузилось так, что идти дальше было невозможно, и вылезти наверх тоже было невозможно, – ведь впереди оказалась стена, а справа и слева крутые склоны под 80 градусов. Пришлось возвратиться мне немного назад, до подъемных склонов, вылезать наверх с этого ущелья и продолжать двигаться дальше поверху, вдоль этого ущелья, до конечной точки рубежа поиска. За пять-шесть часов все посредники достигли конечного рубежа. Я подсчитал: в итоге пришлось пройти в горах 23 км – вот таков в диаметре был район поиска.

Поперек гор ходить нельзя – ведь если идти так, то приходилось бы подыматься вверх на метров 500, а затем опускаться столько же вниз, и дальше шли такие же подъемы и спуски. Поэтому наилучшая экономия сил – идти по ущелью или поверху вдоль ущелья. Во время рекогносцировки нас застал в горах ливень. Плохо было тем товарищам, которые оставили в автомашине свои накидки. А ведь в первой половине апреля очень холодные дожди идут в горах!

И вот начались наши учения 18 апреля 1980 года с подъема по тревоге, в 05.00. Все собрались в установленное время, командиры поставили задачи своим подразделениям и боевому разведдозору – я посредником при нем. В 07.00 тронулась колонна БТР, БМП и автомашин, соблюдая маршевую скорость. БРД впереди, я при нем, следил по карте за маршрутом и действиями командира БРД. БРД мимо Малыбая не проехал, своевременно повернули

на полевую дорогу вправо за этим населенным пунктом и доехали до подножья гор, о чем я доложил старшему посреднику по учениям. Личный состав БРД спешился, занял выгодные позиции, замаскировался и обеспечил беспрепятственное развертывание группы поиска; личный состав поисковых групп занял исходное положение и, после постановки им задач старшими, по единому сигналу начали поиск «диверсионной группы» в горах. Поисковые группы к вечеру вышли на рубежи прикрытия блокированного района и остановились на этих рубежах до утра, а ночью поиск велся усиленной поисковой группой по отдельному вероятному направлению. Ночью личный состав заслонов продолжал нести боевую службу на рубежах с использованием сигнализационных приборов. На следующий день, к 10.00, «диверсионная группа» была «уничтожена».

Обед, ужин и завтрак личного состава осуществлялся за счет сухого пайка.

Второй день, и половину третьего дня, личный состав дивизионов занимался двусторонними «боевыми действиями». Учебные дивизионы на учениях были преобразованы в батальоны. 3-й курс (1-й батальон) занимался обороной указанного района, а 4-й курс (2-й батальон) организовывал и осуществлял наступление на обороняющийся батальон «противника». Я был посредником при командире 3-й роты 2-го батальона (4-й курс). Действия батальонов в обороне и в наступлении проходили в соответствии с планом учений. «Воевали» как днем, так и ночью. На этих учениях в горах все вымотались – как курсанты, так и командиры, и посредники то же. В горах, в апреле, было холодно, в окопе – не уснуть. На последних двух этапах учения, будучи посредником при 3-й роте 2-го батальона, под вечер, я вызвал к себе курсанта и поставил ему задачу: «Товарищ курсант, вот здесь, – ройте окоп для стрельбы с колена!». Когда был готов окоп, я курсанта отпустил; на дно этого окопа я собрал и постелил сухую траву. Ночью ложился отдыхать в этом окопе. Уснуть не удавалось: было слишком холодно, но зато ноги отдыхали. Так отдыхали и остальные посредники при подразделениях. Кроме всего, периодически ночью, посредникам надо было контролировать обучающихся командиров подразделений и курсантов. В последние два дня учений питание осуществлялось с полевых кухонь, развернутых у палаток.

Учения были завершены, подведены итоги, личный состав прибыл к своим транспортным средствам и единой колонной, с мерами охраны, выдвинулись к своему училищу.

На 4-м курсе преподавателям предстояло до государственного экзамена отработать темы повторительной (взводной) тематики и принять курсовой экзамен. Перед приемом курсового экзамена по общей тактике с курсантами 4-го курса мы отработывали темы повторительной тематики: «Взвод в наступлении», «Взвод в обороне», «Взвод в разведке», «Взвод в походном охранении».

При отработке тем повторительной тематики перед курсовым экзаменом, где-то в середине мая 1980 года, начальник кафедры, на своей закрепленной учебной группе, проводил показное занятие для преподавателей ПМК 4-го курса. Мне помнится, как при отработке динамики наступательного боя взвода, на тактическом поле произошел такой казус.

Подполковник Шепель Н. И., закончив отработку тактических вводных по этому занятию, приказал командиру учебной группы построить личный состав, осмотреть оружие и проверить наличие всей экипировки. После окончания проверки курсовой офицер доложил, что один из курсантов потерял рабочую карту, – а она является секретным документом.

От переднего края обороны «противника» до места окончания занятий обучаемый учебный взвод преодолел местность, в пешем порядке, километров три-четыре. Подполковник Шепель Н. И. приказал развернуть взвод в цепь и прочесать всю эту местность в обратном направлении и разыскать утерянную карту. По команде учебный взвод тронулся. Прошли с километр, в районе поиска появилось стадо баранов. При подходе к этому стаду один из курсантов заметил, как одна овца жевала рабочую карту, и с ее рта свисала третья часть этой карты. Эту овцу окружили курсанты и отобрали остаток документа, и по этому остатку, как доказа-

тельство, списали секретный документ. Еще бы минут десять и мы не нашли бы следов этой карты. Это было хорошей наукой для преподавателей и нацеливало их на проведение постоянного контроля за сохранение служебной литературы и курсантской экипировкой.

Припоминаю один случай на 4-м курсе, как на занятиях у старшего преподавателя майора Таратуты П. В. курсант утерял сигнальный пистолет. Учебная группа после окончания занятий на тактическом поле возвращалась на БТР в расположение ПУЦ; последним в колонне двигался танк Т-55. Курсант, находясь на броне БТР, заметил, как у него с кобуры выпал сигнальный пистолет. Но, пока доложил старшему преподавателю, колонна проехала больше ста метров. Колонну остановили, спешили курсантов и пошли проверять дорогу, – сигнального пистолета не было. Поняли, что после прохождения танка, сигнальный пистолет где-то в земле. Старший преподаватель дал команду курсантам, чтобы они вооружились малыми пехотными лопатками и приступили к рыхлению колеи от гусениц танка. Прорыхлили метров 150 дороги, только тогда нашли.

Когда я стал преподавателем в пограничном училище, то выпуски курсантов с училища стали проводиться 28 июня, то есть на месяц позже, чем это было раньше. Поэтому курсовые экзамены по общей тактике на 4-м курсе в 1980 году мы начинали во второй половине мая и заканчивали в начале июня, то есть где-то за неделю до государственных экзаменов.

Курсовой экзамен принимали: начальник кафедры ОВД подполковник Шепель Н. И. и старший преподаватель курса майор Таратута П. В. Принимали экзамен в полевом учебном центре; состоял он из теоретической и практической части. Курсовой экзамен проводили по сценарию государственного экзамена: на той же местности и в той же последовательности. То есть, – это была генеральная репетиция перед государственным экзаменом.

Государственные экзамены на 4-м курсе начались в июне месяце 1980 года. В состав государственной экзаменационной комиссии по дисциплине общая тактика от нашей кафедры были включены: подполковник Шепель Н. И. и майор Таратута П. В. – старший преподаватель курса.

Мы – преподаватели тактики – входящие в состав ПМК 4-го курса, готовили учебные группы к государственному экзамену. На подготовку и сдачу государственного экзамена по нашей дисциплине запланировано было по 5 дней на каждую учебную группу. Три дня шла подготовка учебной группы на основной базе, а в течение двух дней осуществлялся прием государственного экзамена в полевых условиях. Каждый преподаватель готовил к экзамену свои учебные группы. После обеда, накануне сдачи экзамена, преподаватель с полной экипировкой выводил учебную группу в полевой учебный центр.

В первый день государственного экзамена с 09.00 учебная группа в учебном классе сдавала теоретическую часть по билетам. В билеты включались вопросы в объеме программы обучения. В каждый билет включалось по три вопроса. После приема теоретической части, после обеда, государственная комиссия приступала к приему практической части экзамена. На практическую часть выносилась взводная тематика по трем видам боевых действий взвода. За экзамен выводилась общая оценка.

Мои учебные группы сдали государственный экзамен довольно хорошо.

3-я учебная группа сдала общую тактику с такими результатами: «отлично» – 12; «хорошо» – 10; «удовлетворительно» – 4.

Когда подкомиссия подводила итоги приема государственного экзамена в 3-й учебной группе, и я ознакомился с результатами, то я был не согласен с оценкой выставленной курсанту Корчагину, – ему поставили оценку «хорошо». Я председателю подкомиссии доказывал, что курсант постоянно учился на «отлично», показывая журнал успеваемости учебной группы. Но он был непреклонным и не учитывал моих доводов, а отвечал, что на то и государственный экзамен, чтобы выставить оценку ту, которую курсант получил на нем. Я ему объяснял, что получилась несправедливость в том смысле, что те курсанты, которые на протяжении учебы

показывали результаты ниже, получили на государственном экзамене оценку «отлично», а курсант, который заслуживает по своим способностям высокую оценку, – ее не получает. Мои просьбы и обоснования были не учтены.

4-я учебная группа показала такие результаты: «отлично» – 11, «хорошо» – 12, «удовлетворительно» – 5. Я до сих пор помню на 90% все фамилии своих первых выпускников из двух учебных групп. Это первый результат моей преподавательской работы в пограничном училище. В учебных группах старшего преподавателя результаты были повыше. Одна из его учебных групп получила 14 отличных оценок и только две удовлетворительных, остальные оценки – хорошие. Выпуск курсантов был проведен 28 июня 1980 года.

После проведенного выпуска курсантов 4-го курса, в июле 1980 года, меня назначили начальником сборов отчисленных абитуриентов из числа солдат.

Не поступившие в училище солдаты и сержанты, весь август использовались на работах. Моя задача, на сборах отчисленных, состояла в поддержании воинской дисциплины, контроле за наличием личного состава, обеспечении материально-бытовыми нуждами подчиненных. Поселили их в тесном помещении, где не было ни воды, ни умывальников, ни туалета. Пришлось бегать им к открытым умывальникам и туалетам за 300 м.

Утром, при проведении развода, приходили представители служб и отделов управления училища и забирали солдат на строительные работы; после обеда также забирали на работы. К 19.00 все солдаты прибывали в расположение подразделения.

В тот год (1980) при приеме в училище был недобор. Начальник пограничного училища поставил мне задачу, что бы я подобрал из числа отчисленных пятерых добросовестных солдат для погашения этого недобора. Я выполнил эту задачу. Подобрал трех толковых солдат, получивших на вступительных экзаменах по две двойки и двух сержантов, получивших по три двойки (это сержант Смоляр и старший сержант Лепесевич). Я присутствовал на мандатной комиссии, которую возглавлял начальник пограничного училища, я давал характеристику этим кандидатам. Начальник пограничного училища предупредил этих товарищей, что они принимаются в пограничное училище условно, а если программу обучения за 1-й семестр усвоят на «неудовлетворительно», то будут отчислены.

Начиная с 1-го и до 4-го курса включительно, я преподавал в этом учебном дивизионе. Так вот, сержант Смоляр и старший сержант Лепесевич окончили пограничное училище, получив дипломы с отличием, а на вступительных экзаменах им просто не повезло.

Хорошо помню, как весной 1980 года ЦК КПСС было принято Постановление, касающееся повышения качества подготовки специалистов в ВУЗах. В соответствии с этим Постановлением преподаватель считался центральной фигурой учебного процесса. Исходя из такой оценки, были повышены должностные оклады преподавательскому составу ВУЗов. Это коснулось и высших военных учебных заведений.

По решению Коллегии КГБ СССР были проведены изменения в организационно-штатной структуре и воинских званиях на кафедрах пограничных училищ. По старому положению на военных кафедрах была только одна полковничья должность – начальник кафедры. По новому положению должность преподавателя, вместо майорской, стала подполковничьей, должность старшего преподавателя и заместителя начальника кафедры, вместо подполковничьих, стали полковничьими.

В таких условиях отпала у меня необходимость ехать служить в войска. Так как, находясь и преподавая в пограничном училище, до конца службы можно было дослужиться до полковника. И я решил до конца действительной офицерской службы оставаться военным преподавателем, так как эта работа мне нравилась

Нам, преподавателям, так же повысили должностные оклады, которые стали: для преподавателя – 140 рублей, а для старшего преподавателя – 160 рублей. У командиров учебных дивизионов должностной оклад стал ниже, чем у старшего преподавателя. Поэтому желающих

быть командирами учебных дивизионов уменьшилось. Идти и возглавлять учебный дивизион какому-то старшему преподавателю с кафедры не хотелось, так как та должность уже стала менее оплачиваемой, а ответственность за личный состав велика. Исходя из этого, на должности командиров дивизионов соглашались идти преподаватели кафедр. Это первое нововведение для преподавательского состава.

И второе новшество, – была увеличена плата за воинские звания (не только преподавательскому составу): майора – 150 рублей, подполковника – 160 рублей и полковника – 180 рублей в месяц.

В 1980 году на целый год был сокращен срок выхаживания до воинского звания майор, вместо четырех лет, было установлено три года. К этому времени я проходил капитаном три года, и в начале августа 1980 года приказом Председателя КГБ СССР мне было присвоено очередное воинское звание – майор. Этим же приказом были присвоены воинские звания: подполковнику Шепель Н. И. – полковник, капитану Татьянину В. Л. – майор, а также другим офицерам, – моим однокурсникам по пограничному училищу.

В начале сентября 1980 года я прибыл в пограничное училище после своего отпуска. Наша предметно-методическая комиссия, после выпуска с училища курсантов 4-го курса, перешла преподавать курсантам 1-го курса. Приказом по училищу за мной были закреплены две учебные группы – 1-я и 2-я. Старшим преподавателем курса оставался майор Таратута П. В.

Занятия с курсантами 1-го курса, в основном, проводились в полевом учебном центре.

На первом курсе подготовка курсантов в военном отношении заключалась в том, чтоб к концу 1-го курса научить курсантов действовать в роли командира отделения – управлять отделением в различных условиях боевой обстановки, а с профессиональной стороны – научить курсантов в роли старшего пограничного наряда организовывать службу всех видов пограничных нарядов.

В сентябре 1980 года с курсантами 1-го курса мы начали заниматься одиночной подготовкой – учить курсантов правильно действовать на поле боя в роли солдата. Это обучение длилось до конца октября месяца. И мы его заканчивали обкаткой курсантов танками.

Танк Т-55 двигался по большому кругу. По маршруту его движения через каждые 50 м были оборудованы различные окопы: для стрельбы лежа, для стрельбы с колена, для стрельбы стоя, поперечная траншея для нескольких человек и неглубокая воронка; дальше опять шло чередование. Перед началом движения танка, группа курсантов (10 – 15 чел) вооружались учебными противотанковыми гранатами и занимали, по одному, указанные окопы. При приближении танка на расстояние броска гранаты (15 – 20 м), курсант швырял эту гранату и ложился на дно окопа; танк проезжал через окоп так, чтобы не наехать на него гусеницами; после проезда танка, курсант подымался и кидал вторую гранату по корме танка вдогонку. После прохождения танка курсант бежал и занимал следующее укрытие. Пока танк делал несколько кругов, каждый курсант занимал очередное укрытие и метал гранаты. За шесть часов занятий танк успевал обкатывать три курсантские учебные группы. Группа курсантов, пройдя обкатку танками, выдвигалась к очередному месту занятий. На занятиях по обкатке танками с учебными группами организовывалось 5 – 6 учебных мест. Учебное место номер 1 – это была обкатка танками. Зачастую на обкатку привлекалось два танка, которые продвигались друг за другом на расстоянии до 300 м. Помню, в то время на тех занятиях шел мелкий дождь, было сыро, месилась грязь – это была настоящая тактическая погода. На этих занятиях курсанты получали хорошую морально-психологическую закалку.

Наступил январь 1981 года. Преподаватели курса с своими учебными группами отрабатывали теоретические занятия в классе на основной базе училища. А в марте, с каждой учебной группой, проводили 2-х суточные практические занятия в поле, на тему: «Отделение в походном охранении».

В апреле 1981 года начали отрабатывать важную 3-х суточную тему с каждой учебной группой: «Отделение в наступлении». В последний день этого полевого выхода отрабатывали занятие: «Боевая стрельба отделения в наступлении». Это занятие отрабатывалось на войсковом стрельбище с боеприпасами, с практической боевой стрельбой и боевым гранатометанием в движении. Особое внимание при боевой стрельбе преподаватели обращали на соблюдение мер безопасности, каждый считал количество взрывов ручных боевых гранат. При боевой стрельбе одного из отделений я недосчитался двух взрывов гранат. После окончания стрельбы отделением, я с курсовым офицером и преподавателем огневой подготовки осмотрел рубеж метания ручных боевых гранат, и мы обнаружили две неразорвавшиеся гранаты.

Какова причина? Оказывается, эти два курсанта, вместо того, чтобы полностью разогнуть и выпрямить усики чеки, они не выпрямили их до конца и рванули за кольца так, что металлические усики оборвались и остались в гранате, заклинив ударный механизм. Пришлось нашему инженеру подрывать неразорвавшиеся гранаты при помощи толковых шашек. Хорошо, что я считал количество разрывов гранат, а иначе, – пошло бы на боевую стрельбу очередное отделение, какой-то курсант мог бы зацепить неразорвавшуюся гранату ногой, – и взрыву не миновать. Так что на таких боевых стрельбах мы не далеко находились от чрезвычайных происшествий.

В мае месяце мы отработали последнюю 3-х суточную тему по общей тактике: «Отделение в обороне». В последний день занятий опять проводилась боевая стрельба отделения в обороне. На этих стрельбах в обороне стрельба проводилась с места, и боевые гранаты метали в цели с окопов. На эти 3-х суточные полевые выходы, в полевой учебный центр, одновременно выезжало по три учебных группы 1-го курса. Отделения учебных групп мы пропускали через боевую стрельбу, по одному, каждое отделение. Поэтому боевую стрельбу с первым отделением начинали в 09.00, и заканчивало стрельбу последнее – в 13.30. После окончания боевых стрельб в течение 30 минут проводили разбор всех занятий, объявляли каждому курсанту оценки.

В июне 1981 года на 1-м курсе отрабатывали в течение 2-х суток тему: «Отделение в разведке».

В июле – завершение отработки программы по общей тактики на 1-м курсе – принимался курсовой зачет.

Какие произошли изменения на нашей кафедре к августу 1981 года?

Еще в апреле 1981 года нашему старшему преподавателю курса майору Таратуту П. В. было присвоено очередное воинское звание – подполковник.

В августе 1981 года полковника Шепеля Н. И. (нашего начальника кафедры) перевели в Московское Высшее пограничное командное училище на должность начальника кафедры огневой подготовки. Начальником нашей кафедры (кафедры общевойсковых дисциплин) назначили подполковника Таратуту П. В., минуя должность заместителя начальника кафедры, – со старшего преподавателя курса сразу его назначили начальником кафедры; а заместителем начальника кафедры – подполковника Сажнева Ю. П., занимавшего должность старшего преподавателя.

С 1-го сентября 1981 года курсанты 2-го дивизиона стали курсантами 2-го курса. Предметно-методическая комиссия (ПМК) 2-го курса претерпела изменения: председателем ПМК – старшим преподавателем курса был назначен майор Андреев В. А. (мой однокурсник по академии); прибыли на наш курс новые преподаватели: майор Алдамжаров Ш. К. (выпускник Военной академии им. М. В. Фрунзе 1980 года), подполковник Васильков А. А. (занимавший должность освобожденного старшего преподавателя); в составе ПМК оставался я и подполковник Доценко В. Ф. Вот таким составом преподавателей мы работали на 2-м курсе. На курсе обучалось 11 учебных групп; 11-я учебная группа – это учебная группа кинологов.

В военном отношении мы готовили курсантов на 2-м курсе, как командиров взводов, а в профессиональном, кафедрой службы и тактики пограничных войск, – как начальников пограничных застав.

В сентябре 1981 года старшим преподавателем курса читались курсантам лекции по основам наступательного боя взвода, затем в октябре, с каждой учебной группой, преподаватели проводили 4-х часовые семинары. Весь декабрь 1981 года я провел в полевом учебном центре (ПУЦ) – отрабатывались практические занятия с курсантами на тему «Взвод в наступлении». С каждой учебной группой проводился недельный полевой выход, с понедельника и до субботы, до 15.00.

Первую неделю декабря, как всегда, – все преподаватели ПМК присутствовали на показательном занятии старшего преподавателя курса. А последующие недели, – практические занятия преподавателей со своими учебными группами. Приходилось заранее готовиться к занятиям на всю неделю и оформлять эту подготовку написанием подробного план-конспекта на все практические занятия темы.

Старший преподаватель разрабатывал план полевого выхода курсантов 2-го курса на неделю, который утверждался начальником пограничного училища и должен был выполняться всеми преподавателями курса и учебными группами дивизиона.

Вот и пришлось преподавателям нашей ПМК, в декабре 1981 года, целыми неделями быть в полевом учебном центре без выезда домой.

В план полевого выхода включались темы занятий по общей тактике, по военной топографии, по ЗОМП, по военно-инженерной подготовке и по огневой подготовке. Занятия проводились параллельно в трех учебных группах тремя преподавателями. В течение недели, по плану полевого выхода, планировались и два ночных занятия (вторник, четверг).

Декабрь месяц, как раз в это время начинались морозы, к концу месяца они доходили до 25 – 27 градусов мороза, а то и больше.

Итак, в соответствии с планом полевого выхода мы приступили к проведению занятий следующим порядком.

Первое занятие: «Наступление мотострелкового взвода из положения непосредственного соприкосновения с противником» – отрабатывалось в течение двух суток.

Весь первый день – организация наступательного боя командиром взвода – стояние на одном месте в течение 10-ти часов; в этот день вклинивались преподаватели военной топографии и военно-инженерной подготовки, а также преподаватели ЗОМП.

Весь второй день – отрабатывалась динамика наступательного боя взводом методом группового упражнения и на боевом расчете взвода.

Второе занятие: «Наступление мотострелкового взвода с ходу». Это занятие отрабатывалось в течение двух дней так же, как и первое занятие.

В пятницу шла подготовка к боевой стрельбе взвода в наступлении, где преподаватели тактики занимались организацией занятия с боевой стрельбой, проводили занятия и принимали зачеты по мерам безопасности при проведении стрельб; преподаватели кафедры огневой подготовки проводили занятия с учебными группами по управлению огнем мотострелкового взвода. А в субботу, в последний день занятий, отрабатывалось последнее занятие: «Боевая стрельба взвода в наступлении». Проводился боевой расчет взвода, в ходе которого, из числа курсантов, назначались: командир взвода, заместитель командира взвода, три командира отделений, пулеметчики БТР, снайпер, пулеметчики и гранатометчики в отделениях и стрелки. Выдавались боеприпасы, доводились преподавателем, в приказе, меры безопасности при стрельбах, и начиналось само занятие, примерно в двух километрах от войскового стрельбища.

Мотострелковый взвод, из числа курсантов, выдвигался к стрельбищу на БТР, спешился и переходил в атаку с ведением огня по появляющимся мишеням на стрельбище.

Командир взвода управлял огнем и отделениями в ходе наступления. На предпоследнем рубеже метались боевые гранаты. После окончания стрельбы взвода преподаватели осматривали в отделениях оружие, изымали неизрасходованные боеприпасы. Когда последняя учебная группа заканчивала боевую стрельбу в составе взвода, старший преподаватель курса, с участием преподавателей и всех курсантов, проводил разбор боевых стрельб.

Конечно же, на недельном полевом выходе преподаватели организовывали и проводили самостоятельную подготовку курсантов, участвовали в проведении политико-воспитательных мероприятий, организовывали показ учебных кинофильмов.

Каждый понедельник, на полевые занятия, колонна машин с пограничного училища начинала движение в 07.00. Я жил от училища далеко. Поэтому мне приходилось выдвигаться на кольцевую дорогу и там ожидать и подсаживаться на училищный автобус. Колонна машин, к моему месту ожидания, подходила через 30 мин, то есть в 07.30. Но я должен к месту посадки выходить с запасом времени. Поэтому я подымался в 05.30, за 30 мин. собирался и к 06.00 выходил на проспект Абая, на остановку автобуса или троллейбуса. К 07.00 я добирался до кольцевой дороги, по которой двигалась колонна автомашин с курсантами, и я там подсаживался на автомашину или на автобус. Проходила неделя занятий в ПУЦ, и я в субботу, к 16.30, возвращался домой. Наступал очередной понедельник декабря, и я снова уезжал в ПУЦ на полевые занятия на целую неделю. И так весь декабрь 1981 года все преподаватели курса проводили занятия в поле, в ПУЦ. Хотя за мной было закреплено две учебные группы, но занятия приходилось почти всегда проводить с тремя группами. Зимой кто-то из преподавателей болел или был в отпуске, командировке, тогда приходилось, по указанию старшего преподавателя, их подменять.

Хотя целый месяц (в декабре) предстояли занятия в поле, а один раз в месяц преподаватель должен был сходить в суточный наряд по училищу – дежурным или помощником дежурного по училищу, или дежурным по учебному корпусу. А так как будние дни были заняты занятиями, то в наряд назначали с субботы на воскресенье. Бывало, приезжал домой с ПУЦ в 16.30, тут же умывался, обедал, переодевался и к 17.50 ехал в училище заступать в суточный наряд. В воскресенье, в 19.00, освобождался с наряда, ехал домой, ночь отдыхал, а в понедельник, рано утром, опять в ПУЦ на полевые занятия, на всю неделю.

Физическая нагрузка на преподавателя тактики на полевых занятиях была приличная. Например, в декабре 1981 года, в первый день занятий, хотя и стояние на месте, но до самого места начала занятий надо было идти 2 км. Весь день стояли, занимались организацией боя, обед доставлялся в поле, ели уже остывшую пищу, ели на морозе, а с наступлением темноты – возвращение в лагерь пешком, опять шагали 2 км.

На второй день полевого выхода, выдвигение к месту занятий на тактическое поле, – опять 2 км пешком, и целый день динамика наступательного боя – километров 15 – 20 набегали. Таким же образом третий, четвертый, пятый и шестой дни недели. Все в движении, все на ногах.

26 декабря 1981 года Алма-Атинскому ВПКУ – юбилей, исполнилось 50 лет со дня его образования. Это событие персонал училища отмечал в оперном театре им. Абая. Было торжественное собрание, а затем большой концерт. Были награждения. Мне в честь этой годовщины вручили денежную премию и грамоту.

Наступил январь 1982 года. В то время с курсантами каждой учебной группы 2-го курса отрабатывалась в течение 3-х дней практическая тема в ПУЦ: «Взвод в походном охранении». Морозы в январе под Алма-Атой были очень сильные. Занятия с курсантами отрабатывалась на БТР в движении. Место преподавателя на этом занятии – наверху БТР, в люке над водителем. Приходилось сидеть на холодной броне, а при движении БТР – обдуваться холодным, морозным ветром. Курсанты размещались внутри БТР. Преподавателю приходилось вызывать курсантов по одному в командирский люк и обучать в индивидуальном порядке.

Отрабатывались с курсантами отдельные темы и занятия в классах на основной базе училища, такие как: семинарские занятия по основополагающим темам боевых действий.

Помню, как, однажды, я проводил 4-х часовой семинар не со своей, а с 5-й учебной группой подполковника Доценко В. Ф. по теме: «Рота в обороне». Занятие я проводил интенсивно, не давая курсантам мысленно расслабиться. Рассматривая вопросы, касающиеся обороны мотострелковой роты, я заставил курсантов вспомнить, для сравнения, наступление мотопехотной роты армии США. Тогда я беглым опросом начал уточнять: на каком же фронте наступает мотопехотная рота? а, – мотопехотный взвод? а какие промежутки, в наступлении, между взводами? а сколько БТР М-113 в мотопехотной роте? какое вооружение этих БТР? сколько пулеметов М-60 в роте, и сколько винтовок – М-16? какая боевая скорострельность у винтовок и пулеметов?

Одному курсанту (Петухову) поставил задачу, чтобы он подсчитал и доложил всем – сколько пуль в минуту на один погонный метр в наступлении может создавать мотопехотная рота армии США? После всех заслушиваний на семинаре начали подсчитывать: сколько же пуль на один погонный метр в минуту может создавать наша мотострелковая рота в обороне? и что необходимо, чтобы превзойти противника? Последовательно я опрашивал всех курсантов, некоторых по нескольку раз. Несколько раз опрашивал курсанта Коробку (он был родом с Украины, с какого-то села и учился в основном на тройки), он отвечал, искажая некоторые ударения русских слов, с него начали смеяться, он покраснел и весь замкнулся – стал молчать. Я сильно на него не наседаю, относился с пониманием, двойку, рубя, не ставил, давал возможность, при рассмотрении следующих вопросов, чтобы он смог улучшить свой конечный результат.

После первой пары семинара вышли все на перерыв. Ко мне подошел этот курсант, Коробка Анатолий Николаевич, и обратился: «Товарищ майор, вы скажите, – а разве возможно все это запомнить, ведь мы изучаем больше 50-ти дисциплин?» Я ему ответил, чтобы он не отчаивался и популярно объяснил, что при систематическом изучении и повторении учебного материала, все постепенно отложится в голове, и он твердо усвоит за четыре года весь материал учебной программы.

Самые интересные занятия с курсантами 2-го курса Алма-Атинского ВПКУ бывали в апреле 1982 года, когда с ними отрабатывалась недельная тема: «Взвод в обороне». Занятия начинались в поле с 1-го апреля. Занятия были интересны тем, что всю неделю отрабатывались в опорном пункте взвода, в поле с ночевками.

Тактическое поле для проведения занятий по нашей дисциплине находилось в 2-х км от казарм полевого учебного центра. Там были оборудованы три взводных опорных пункта с блиндажами. Местность там песчаная, поэтому окопы и ходы сообщения были укреплены бетонными плитами. Курсанты эти недельные занятия на втором курсе называли «выживанием». Смотря для кого, было это «выживание». Курсанты находились в окопах только одну неделю, а преподаватели «выживали» там целый месяц, проводя занятия со своими учебными группами.

Ясно, что с 1-го апреля 1982 года первым начинал занятия старший преподаватель курса и проводил эти занятия всю неделю, как показательные, для всех своих преподавателей. Выдвижение в полевой учебный центр начиналось в понедельник на автомашинах рано утром. С собой брали солдата-повара, походную полевую кухню, дрова, продукты для приготовления пищи. По прибытию в ПУЦ, мы выдвигались прямо в опорный пункт на тактическом поле; там курсанты размещались во взводном блиндаже, оборудованном деревянными нарами; в указанном месте разворачивали палатку для пункта хозяйственного довольствия. Курсовой офицер размещался в блиндаже с курсантами, преподаватели – занимали, в 200 м в тылу, отдельный блиндаж, в котором стояли солдатские койки.

Начинался апрель, а в отдельных траншеях и ходах сообщения опорных пунктов еще лежал нарастающий снег, и по ночам было еще холодно. В блиндажах стояли железные печки, которые с разрешения старшего преподавателя могли протапливаться дровами. Но в трубу тепло выветривалось очень быстро. По мерам безопасности, мы, преподаватели, разрешали протопить печку только перед началом отдыха личного состава.

После размещения курсантов, ровно в 09.00, в понедельник, старшим преподавателем начинались показательные занятия. Мы, преподаватели, строились на левом фланге учебной группы и наблюдали за проведением занятия старшим, важные методические приемы фиксировали в своих блокнотах.

В первый день занятий – отрабатывалась организация заблаговременной обороны мото-стрелкового взвода. Старшим преподавателем с голоса доводилась тактическая обстановка, курсанты слушали и каждый наносил ее на рабочую карту; затем старший преподаватель предоставлял курсантам 30 мин. времени на подготовку вопросов организации обороны и ставил задачу быть в готовности, в должности командира взвода, доложить: уяснение задачи, отдать предварительные распоряжения подчиненным сержантам, оценить обстановку по элементам (противник, свои силы и средства, своих соседей, местность, время года и состояние погоды), решение, отдать боевой приказ на оборону, организовать взаимодействие, всестороннее обеспечение взвода и организовать управление в обороне. По истечению выделенного времени, старший преподаватель приступал к заслушиванию курсантов. После каждого заслушивания делал разбор, активно привлекая к этой работе остальных курсантов группы.

Подходило время обеда на полевом выходе; старший преподаватель назначал раздатчиков пищи – по одному курсанту с каждого отделения, которые выдвигались с термосами к пункту хозяйственного довольствия по ходам сообщения и получали пищу на свои отделения. Раздатчики пищи, получив пищу, по команде старшего преподавателя, выдавали ее на позициях отделений личному составу в котелки, чай или компот наливали в крышки котелков. Вот так курсанты в полевых условиях принимали пищу. После обеда, через 30 минут, занятия продолжались еще пару часов. Затем ужин, прием пищи осуществлялся, как и в обед. Преподаватели, естественно, питались не с котелков, но с полевой кухни, используя имеющиеся у повара тарелки.

После ужина – политико-воспитательная работа, которую осуществляли в полевых условиях преподаватели.

Перед наступлением темноты, старший преподаватель назначал состав дежурных огневых средств, которые немедленно занимали свои огневые позиции, и доводил порядок действий взвода при нападении противника ночью. Порядок действий взвода в обороне ночью, по расчету, был таков: 1/3 личного состава – отдыхала в блиндаже, а 2/3 – находились на позициях отделений. Через каждые 2 часа происходила смена. Контроль, за боевым дежурством личного состава в ночных условиях, осуществляли курсовой офицер и преподаватели. Мы ложились на отдых ночью в своем блиндаже. Под одним одеялом было холодно, поэтому накидывали на себя и шинели, но все равно замерзали. Без рюмки 40-ка градусной согреться было трудно. В ночных условиях, с помощниками, преподаватели организовывали вооруженное нападение на обороняющийся взвод. Так что в обороне ночью спокойно не было.

Во второй день занятий – отрабатывалась динамика оборонительного боя методом группового упражнения.

На третий день занятий – организация обороны в непосредственном соприкосновении с противником.

На четвертый день – отрабатывалась динамика оборонительного боя методом группового упражнения.

На пятый день – подготовка к боевым стрельбам взвода в обороне: организация обороны, занятия по мерам безопасности и прием зачетов, занятия по управлению огнем и подразделениями в обороне, подготовка оружия к боевым стрельбам.

На шестой день (суббота) – боевая стрельба взвода в обороне. И в 15.00 – возвращение в училище на основную базу.

Во второй день полевого выхода, при отработке динамики оборонительного боя, в учебной группе майора Андреева В. А. случилось чрезвычайное происшествие. В учебной группе учился курсант Абаев (татарин по национальности) и он совершил грубое нарушение мер безопасности на занятии.

Перед началом динамики оборонительного боя майор Андреев В. А. раздал курсантам имитационные средства, предварительно дав инструктаж по мерам безопасности. Раздавая курсантам имитационные средства, майор Андреев, наряду с выдачей другим курсантам, выдал и курсанту Абаеву два-три взрыв-пакета. Поджигая и бросая взрыв-пакеты, курсант Абаев решил проверить действия взрыв-пакета, зажав его в ладони и удерживая при взрыве. В результате взрыва – ему разворотило мякоть ладони. При его опросе о причине травмы, он ответил, что «решил проверить, что будет?» Его немедленно, с курсовым офицером на автомашине, отправили в медицинский пункт.

После показательных занятий, со следующего понедельника, преподаватели начинали недельные полевые выходы со своими учебными группами: с первой закрепленной группой, затем со второй, а если закреплено три группы, то и с третьей. Таким образом, весь апрель месяц проводили занятия с курсантами в поле, в опорных пунктах.

В мае 1982 года, после лекций и семинаров, на 2-м курсе проводились с каждой учебной группой 3-х дневные полевые выходы для отработки практических занятий по теме: «Взвод в сторожевом охранении».

В июне – отработывались в полевых условиях практические занятия по теме: «Взвод в разведке», такие занятия как: «Взвод в поиске», «Взвод в засаде», «Взвод в налете». На каждое занятие выделялось по 6/4 часа. Это значит 6 часов днем и 4 часа ночью.

В июле 1982 года проводился курсовой экзамен по дисциплине общая тактика. Теоретическая часть экзамена осуществлялась в первый день экзамена в течение 6 часов в классе ПУЦ по билетам; практическая часть – проводилась на тактическом поле. В практическую часть включались все виды боевых действий мотострелкового взвода и обеспечение боевых действий.

В первых числах сентября 1982 года я вышел на работу после отпуска. Курсанты нашего учебного дивизиона перешли на 3-й курс. На 3-м курсе мне было работать совсем легко, так как я знал и программу, и методику проведения занятий на 3-м курсе. Ведь я начинал свою педагогическую деятельность в училище с 3-го курса. К тому времени (к сентябрю 1982 года) я приобрел 4-х летний педагогический стаж, – за четыре года прокрутил полностью всю программу обучения по дисциплине общая тактика.

Состав преподавателей ПМК на 3-м курсе не претерпел изменений. Курсанты 3-го курса, по учебному плану, готовились с 10 ноября на войсковую стажировку, которую предстояло проводить на учебных пунктах пограничных отрядов. Поэтому перед выездом на стажировку по всем военным дисциплинам отработывались методические темы с целью подготовки курсантов в методическом отношении. Весь сентябрь 1982 года, по нашей дисциплине, шла отработка методических тем.

Наступил октябрь 1982 года. Числа 15 октября 1982 года меня вызвал начальник кафедры подполковник Таратута П. В. и сообщил, что, по плану политотдела училища, я командируюсь на 10 дней в Нарынский пограничный отряд (Киргизия) для пропаганды решений последнего Пленума ЦК КПСС на пограничных заставах. Я удивился: ведь я не политработник, чтобы меня посылать для пропаганды решений Пленума ЦК КПСС. Но таково реше-

ние политотдела училища: кого-то из преподавателей боевой кафедры решили послать для пропаганды.

Получил я в отделе кадров командировочное удостоверение, в финансовом отделении – требования на самолет туда и обратно. Немедленно отправился на аэровокзал за билетом. Билет взял. Собрал необходимые материалы по Пленуму ЦК КПСС для проведения занятий на заставах, собрал себе портфель с вещами и в указанное время прибыл в аэропорт.

С Алма-Аты до г. Фрунзе летел на АН-12; во Фрунзе пересел на самолет ЯК-40 и долетел до областного центра Киргизии г. Нарын. По прибытию в пограничный отряд, доложил начальнику отряда и начальнику политотдела. А до застав с отряда добираться очень далеко. Ближайшая застава от отряда находилась в 100 км. Заставы там все высокогорные, поэтому никого из политработников в училище и не нашли, чтобы послать в этот отряд.

Как и с кем же мне пришлось добираться до пограничных застав?

На 4-ю пограничную заставу ехал с разведотдела отряда майор (киргиз), его фамилии уже не помню. Ехал он на УАЗ-469, и я подсел к нему. Рано утром выехали с Нарына, проехали километров пять в сторону границы, – и закончились все населенные пункты. Ехали все время под гору, дорога гравийная, местность пустынная, среднепересеченная, ни одного дерева, ни справа, ни слева. Проехали километров 50, смотрим: слева в 1,5 км стоят три юрты и выпасается стадо баранов. Майор-разведчик мне сказал: «Это – последние юрты, дальше, до самой границы, не будет ни юрт, ни селений. А ехать еще до заставы не меньше 50 км», – и предложил мне заехать к юртам.

Подъехали к юртам; там чабан со всем своим семейством (киргизы) выпасают большое стадо баранов. Встретил нас хозяин радушно; зашли мы в юрту; хозяин расстелил на пол достархан и поставил полулитровую бутылочку водки, приберегаемую для важных гостей. Зашла хозяйка (его жена) поставила молча на достархан еду (лепешки, шурпу), затем принесла кипящий чайник и три пиалы. Мы долго сидели и о жизни чабанов рассуждали; хозяин все в наши пиалы водочку подливал и подливал. Затем хозяйка принесла сваренного в собственном соку 2-х месячного барашка. Ели с лепешками этого барашка – мясо просто таяло во рту. Так просидели мы, ведя разговоры, часа три. Но нам надо было ехать на ближайшую пограничную заставу. С хозяином мы распрощались, поблагодарили за гостеприимство и поехали дальше.

По прохождению многих лет, я часто вспоминал наше посещение этого чабана-киргиза и не только его, но и угощения туркменов. Живя очень далеко от населенных пунктов, он в своей юрте приберегал для важных гостей спиртное, а при их появлении, радушно их встречал и бескорыстно угощал. Мы заехали к чабану – совсем не знакомые ему люди – и встретил он нас радушно, с угощением.

Мы продолжили свой путь на автомашине с майором из разведотдела. К вечеру прибыли на заставу. Застава была двухэтажная. Мы поднялись в канцелярию к начальнику на 2-й этаж, сердце колотилось и выскакивало из груди: было такое ощущение, что я как будто пробежал кросс не менее 3-х километров. Оказывается, мы находились на заставе на высоте 4 тыс. 200 метров над уровнем моря. Там кислородное голодание. Вода с мясом кипят при температуре +80 градусов. И что особенного, – чтобы сварилось, надо чтобы кипело мясо часа два-три. Физическая подготовка на высокогорье не проводилась – и при проведении инспекторских проверок застав – не принималась. Лычный состав застав потихоньку втягивался и, самое большее из физических нагрузок, – играли в волейбол.

Я чувствовал себя в высокогорных условиях, как в дурмане, голова была свинцовая, в ушах звенели колокольчики. Офицеры, прослужившие там по несколько лет, говорили, что заезжать на высокогорье надо под градусами, – так легче переносится.

На 4-й пограничной заставе граница проходила высоко по водоразделу хребта. Местность, в районе дислокации заставы, была похожая на высокогорное плато, среднепересечен-

ная. Водилось там много сурков и хомячков. Хомячки прорывались норами в помещения заставы.

В установленное время, в течение одного часа, я провел на этой заставе свое занятие, о чем сделал запись в журнале политико-воспитательной работы. Позвонил на соседнюю, 5-ю, заставу, и за мной начальник 5-й заставы прислал автомашину ГАЗ-66, на ней я доехал до заставы. Личный состав заставы был к этому времени собран, и я провел свое запланированное мероприятие. На 5-й пограничной заставе был начальник штаба пограничного отряда, он ехал на 6-ю заставу и захватил меня с собой на своем УАЗ-469. До 6-й заставы ехали километров 16. Мы проезжали мимо большого озера размером (6 на 8) км, которое располагалось на высоте около 4 тыс. метров. Начальник штаба мне поведал, что оно мертвое, – там не водилась никакая живность.

Перебираясь с заставы на заставу, я выполнял свою задачу. Питался и ночевал на заставах. Таким образом, время подходило к окончанию моей командировки. Билет на самолет, на обратный путь, я приобрел еще до выезда на заставы, на 25 октября 1982 года. Поэтому я был спокоен.

Проблема была с возвращением в пограничный отряд. До отряда было более 100 км, а попутного транспорта с последней заставы не было. 23 октября 1982 года утром с соседней заставы в отряд отправлялся ЗИЛ-130 с прапорщиком, поэтому меня вечером отправили на ту заставу. Рано утром я выехал с старшиной заставы на ЗИЛ-130 и за четыре часа мы с ним доехали до г. Нарын. Сам г. Нарын – областной центр Киргизии, располагался в большом ущелье. До Нарына летали с г. Фрунзе только ЯК-40, и еще ходило рейсов шесть автобусов. Офицеры говорили, что если появлялись над Нарыном облака, то случалась нелетная погода. В то время в стране был энергетический кризис, было очень тяжело с бензином. Оставался один день до моего отлета; я в отделе кадров сделал отметки в своем командировочном удостоверении.

25 октября 1982 года мой рейс (ЯК-40) отправлялся по расписанию в 08.30. Утро в Нарыне в тот день выдалось пасмурное, посмотрел я на небо – было затянуто облаками. У меня в душе появилась тревога, и не зря. К 07.30 я прибыл в аэропорт, он был от отряда совсем недалеко; мне там сказали, что погода нелетная, Як-40 с Фрунзе не прилетал и в такую погоду не прилетит. Я посмотрел вверх на облака, и вокруг себя увидел, что падают редкие снежинки. Не теряя времени, я приехал на автостанцию, надеясь уехать до г. Фрунзе автобусом. Но оказалось, что из шести рейсов был только один, который уехал в 06.00 и больше ни одного не будет. Я возвратился в отряд и там узнал, что через полчаса с пограничного отряда, в г. Фрунзе, будет выезжать на УАЗ-469 начальник политотдела с офицерами на партийную конференцию, которая будет проходить в пограничном округе (в г. Алма-Ата). До Фрунзе в ОВО (оперативно-войсковой отдел) они собирались доехать своим ходом на легковом автомобиле УАЗ-469, а с Фрунзе до Алма-Аты, – городским рейсовым автобусом. Снег на улице начал усиливаться, тут о полете самолетом и речи быть не могло. Билет на самолет я и не пытался сдать – брал я его по требованию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.